
М. Н. Колоткин

**Латгальские поселенцы
в Сибири**

ББК 63.3(2)614+63.3(29=Лат)
К 61

Колоткин, М. Н.

К61 Латгальские поселенцы в Сибири / Отв. ред. А. В. Андронов, Л. Лейкума. 2-е изд., испр. — Ачинск: Региональная общественная организация «Центр латгальской культуры» Красноярского края; Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2012. — 69, [2] с. — [Библиотека Ачинского латгальского общества, V.]

ISBN 978-5-8465-1261-0

В книге исследуется история формирования латгальской диаспоры в Сибири в результате переселенческого движения конца XIX — начала XX в., её культурная и хозяйственная жизнь в 1920–30-е гг., анализируется политика государства в отношении национальных меньшинств. Широко привлекаются архивные материалы и публикации в латгальской прессе того времени.

Для всех интересующихся историей сибирских латгальцев, других национальных меньшинств России, а также для специалистов в вопросах межнациональных отношений, студентов и преподавателей.

ББК 63.3(2)614+63.3(29=Лат)

1-е издание:

Новосибирск: Новосибирский институт инженеров геодезии, аэрофотосъёмки и картографии (НИИГАиК), 1994.

ISBN 978-5-8465-1261-0

© ООО «ЦЛК» КК, 2012

Nu redaktoru

„Ačynska latgalīšu bīdreibys bibliotekys“¹ sereju turpynoj M. Kolotkina gruomotys „Latgalīšu īceļotuoji Sibīrī“ jauns izdavums, kurs sagatavēts sakarā ar 3. pasaūļa latgalīšu konferenīci (Rēzeknē 2012. goda 9.–10. augustā) i autora — īvārojama Novosibirskys zynuotnīka, Sibira etniskūs diasporu pietnīka — 60 godu jubileju. M. Kolotkina dorbi par īceļotuojim nu Baļtejis svareigi na tik zynuotnīkim, a i puorceļotuoju — 19.–20. g. s. mejis breivūs zemu maklātuoju — atlasem, kam ir interese par sovu seņču volūdu, kulturu i viesturi. Dīvamžāļ juo gruomotys² beja nūdrukuotys mozā metīnī, dreīži palyka par bibliografisku ratumu i atrūnamys pat na vysuos leluokajuos Krīvejis i Latvejis bibliotekuos.

Ūtruo izdavuma tekstā izdareiti naleli redakcionalī lobuojumi, sataiseits vīnuots literaturys i olūtu ruodeituojs, piec īspiejis puorbaudeiti citati, taipat latgalīšu uzvuordu i apdzeivuoētūs vītu nūsaukumu raksteiba. Vysaidu īmesļu deļ īsadeve apsavērt na vysys autora atsaucis (tūs storpā — iz Sibira arhīvu materialu)³. Kai pareizi rakstomi eipašvuordi, bīži gryuši nūsokoms deļ variantu leluo skaita⁴ i klaidainuo latgalīšu antroponīmu lītuojuoma krīviski raksteitajūs olūtūs. Itei problema, ar kurū sasateik sevkurs nacionalūs diasporu pietnīks, da gola nav atrysynuota i itymā izdavumā.

Lai vaicuojumi, kurī ir palykuši gruomotā voi, skaitūt jū, rūnās nu jaunā, vadynoj iz jaunim pītejumim!

---

¹ Cytu izdavumu elektronīskuos versejis vērtīs piec adresa:
<http://www.latgalec-ru.narod.ru>.

² Bez ituos gruomotys M. Kolotkinam ir vēļ cyti monografīski pītejumi, kai „Baļtīšu diaspora Sibīrī: 20.–30. godu viesturyskys analizis raudzejums“ (Балтийская диаспора Сибири: опыт исторического анализа 20–30-х гг. Новосибирск, 1994), „Baļtejis puorceļotuoju iz Sibīri socialī politīskuo viesture (1917.–1930. godu vyds)“ (Социально-политическая история балтийских поселенцев Сибири (1917 — середина 1930-х гг). Новосибирск, 2010).

³ Taidūs gadīņūs pī atsaucis dalykta zvaigzneite (*). Taipat atsarads nazcik naprecīzu atsauču iz olūtu, kuo naīsadeve izlobuot, — juos apzeimuoētys ar vaicuojuoma zeimi (?).

⁴ Saceisim, Ceļojūšuo latgalīšu kolhoznīku teatra režīSORA Pītera Līpeņa uzvuords raksteits kai *Lipins*, *Lipenš*, *Липен* i tml.

От редакторов

Серию «Библиотека Ачинского латгальского общества»¹ продолжает новое издание книги М. Н. Колоткина «Латгальские поселенцы в Сибири», которое подготовлено в связи с 3-ей всемирной латгальской конференцией (9–10 августа 2012 г., Резекне) и по случаю 60-летия автора — известного новосибирского учёного, исследователя этнических диаспор в Сибирском регионе. Работы М. Н. Колоткина о выходцах из Прибалтики в Сибири, важны не только для научных работников, но и для потомков переселенцев, сохраняющих интерес к языку, культуре и истории своих предков. К сожалению, его книги² были опубликованы крайне малым тиражом, быстро стали библиографической редкостью и отсутствуют даже в некоторых центральных библиотеках России и Латвии.

При подготовке нового издания в текст внесены небольшие изменения редакционного характера, составлен единый список литературы и источников, по возможности уточнены цитаты, написание латгальских фамилий, названий населённых пунктов. К сожалению, по разным причинам удалось проверить не все ссылки (в частности, на материалы сибирских архивов)³. Определение правильного написания имён собственных затруднено также обилием вариантов и искажённых форм латгальских слов, встречающихся в русскоязычных источниках⁴. Эта проблема, с которой сталкивается любой исследователь национальных диаспор, до конца не решена и в данном издании.

Пусть вопросы, оставшиеся в книге или возникающие при её чтении, вдохновляют на новые исследования!

---

¹ Электронные версии изданий см.: <http://www.latgalec-ru.narod.ru>.

² Кроме переиздаваемой книги, М. Н. Колоткину принадлежат также монографические исследования: «Балтийская диаспора Сибири: опыт исторического анализа 20–30-х гг.» (Новосибирск, 1994), «Социально-политическая история балтийских поселенцев Сибири (1917 — середина 1930-х гг.)» (Новосибирск, 2010).

³ В таком случае при ссылке стоит звёздочка (*). Выявлено также несколько ошибочных ссылок на источники, которые не удалось исправить — они отмечены знаком вопроса (?).

⁴ Например, фамилия режиссёра латгальского передвижного колхозного театра Питера Липеня (Pīters Līpeņš) записана как *Lipins*, *Lipenš*, *Липен* и т. п.

ВВЕДЕНИЕ

Историческое прошлое народов России знает примеры подлинных отношений дружбы и сотрудничества, прошедших испытания временем. Оно же оставило нам в наследство немало горьких страниц. Наиболее противоречивыми были 20–30-е гг. XX века, когда, с одной стороны, был накоплен уникальный опыт братского сотрудничества и гармонизации межнациональных отношений, а с другой — сложнейшие вопросы национальной самобытности решались силовыми методами, администрированием.

Особенно наглядно это проявилось на примере народностей и этнических групп, а также национальных меньшинств, которые дисперсно расселялись по просторам страны, в отрыве от своей исторической родины.

Понятие «Латгалия» в истории получило двойное применение. Ещё в XIII веке соответствующее обозначение использовалось в отношении территорий, где проживали латгалы (восточнобалтийское племя), то есть нынешней Латгале и части Видземе. В конце XIX — начале XX века возрождённый термин «Латгалия», как и понятие «латгальцы» стал применяться в более узком смысле слова — прежде всего для той части Латвии, которая была включена в Витебскую губернию Российской империи. Искусственно созданный разрыв не мог не оказать влияния на образ жизни и рост национального самосознания латышей.

В теоретическом плане бытовала концепция о двух нациях в Латвии. В обиход были пущены теории о «балтийцах» и «латгальцах». Как отдельные народы «латыши» и «латгальцы» обозначились в переписи населения и статистике Советской России в предвоенные годы.

Сибирь всегда была многонациональным регионом. С конца XIX века в связи с переселенческой политикой царской России тысячи латгальцев стали прибывать в Сибирь. Основным занятием их было сельское хозяйство. Подсобными отраслями хозяйства являлись

скотоводство, лесоразработки, частично охота. Вплоть до 30-х гг. преобладало хуторское земледелие.

Расцвет латгальского национального самосознания происходил в 20–30-х гг. Этот период и раскрывается в предлагаемой работе. По указанной проблеме пока нет ни одного крупного исследования¹. На архивных материалах и периодике тех лет (впервые введённых в научный оборот) раскрывается жизнь латгальцев Сибири в инонациональной среде. Подробно освещаются проблемы культурной жизни, национальной прессы, трагедии людей в годы коллективизации и сталинских репрессий.

Вынося на суд читателя книгу, автор сознаёт, что он не охватывает полностью все аспекты жизни латгальцев Сибири в переломное время, что многие из них ещё ждут своих исследователей. Однако живой процесс научного творчества, свободный от апологетики и политической конъюнктуры, не может ждать появления только полностью законченных трудов, если вообще слово «законченный» применимо к науке.

Автор руководствовался весьма убедительным, на его взгляд, утверждением Т. Макаулея, что история никогда не откроет нам всей правды, но та её сторона, которая предлагает исследователю хотя бы часть информации, отражающей всё целое, — лучшее, что может быть.

Автор выражает глубокую признательность за ценные замечания по книге профессору Я. Бролишу (г. Рига), профессору А. Д. Логину (г. Москва), ответственному секретарю общества «Мемориал» А. С. Жолобову (г. Новосибирск).

---

¹ Важные сведения о латгальцах имеются в трудах А. Бейки, Дз. Вискны, Я. Бролиша, а также в вышедших после первого издания книги М. Н. Колоткина монографиях омского исследователя И. В. Лоткина, работах А. Б. Свитнева и в публикациях сибирских краеведов Г. и Л. Лопаткиных, М. С. Лавринова, В. В. Ускова, Н. И. Дудиной и др. (прим. ред.).

Глава 1.

ЛАТГАЛЬЦЫ: ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В СИБИРЬ

Одной из важнейших особенностей исторического развития Сибири на протяжении десятилетий была её колонизация. В конце XIX в. Сибирь становится основным колонизируемым регионом России, принимавшим примерно 4/5 всех переселенцев из западных и центральных районов России. Основная причина заключалась в том, что Сибирь почти не знала помещичьего землевладения. Наличие свободных земель, а также сооружение в 90-е годы XIX в. Транссибирской железнодорожной магистрали привлекали сюда массы переселенцев.

Малоземельное и безземельное латгальское крестьянство искало выход из тяжёлого экономического положения в переселении и отходничестве. Переселение латгальцев в Сибирь началось в 70–80-е гг. XIX в. и приняло широкий размах в конце 90-х гг. За период с 1885 по 1897 г. из Витебской губернии в Сибирь переселилось 8570 человек. Несмотря на противодействие властей, крестьяне снимались с мест целыми семьями. За время с 1897 г. по 1901 г. из губернии в Сибирь переселилось 23 995 человек. По количеству переселенцев Витебская губерния в начале XX в. занимала одно из первых мест в России [Ефремова 1982: 36–37].

В начале 90-х гг. на постройку «Великого сибирского пути» из Двинского, Режицкого и Люцинского уездов бывшей Витебской губернии выехало около 15 тысяч человек. После окончания контракта (1893 г.) многие из них, забрав свои семьи из Латгалии, остались в Сибири на постоянное жительство. Так люцинские землекопы-латгальцы, работавшие на участке железной дороги Омск — Каинск, после окончания работ решили заняться сельским хозяйством. Первыми основателями ряда населённых пунктов в барабинских степях были бурлаки из Люцинского уезда. Во главе этой партии переселенцев стоял Тимофей Марнауза, именем которого названа одна из деревень — Тимофеевка¹ (основана в 1895 г. [*ГАНУ: 859_1_10_51]).

---

¹ О Тимофеевке по данным недавних экспедиций см.: *Latvieši latviešu acīm: Sibīrija, Timofejevka / sast. A. Lielbārdis. Rīga 2011* (прим. ред.).

Недалеко от них в 1903 г. безземельными крестьянами, приехавшими из д. Быково Режицкого уезда была основана деревня Борисоглебка. Первыми жителями её были семьи Бренч, Сондор, Пуйсан, Балтус и др. Стремление многих латгальцев переселенцев селиться вблизи Каинска объяснялось тем, что в этом городе имелся католический костёл [Пуйсан].

Волна переселений продолжалась без перерыва, в различные годы с большим или меньшим подъёмом. В 1900–1914 гг. из пяти западных губерний России (Гродненской, Виленской, Могилёвской, Витебской и Минской) в Сибирь переселилось 462,6 тыс. человек [Турчанинов 1910: 30–35; Турчанинов, Домрачёв 1916: 30–35].

Особенно усилилось переселение выходцев из Латгалии в 1907–1911 гг., что было вызвано столыпинским аграрным законодательством. Основную массу переселенцев составляли безземельные крестьяне и те, которые имели земли в размере 5 десятин на двор. Такие крестьяне составляли 64,4 % переселенцев, и только 2,2 % крестьян-переселенцев имели свыше 15 десятин земли. Часть малоимущих крестьян, лишённых денежных средств, были вынуждены возвратиться на родину и пополнить ряды батраков [Заварина 1986: 84].

Накануне первой мировой войны в Сибири проживало свыше 20 тысяч выходцев из Латгалии [История 1971: 324].

Основными районами расселения латгальцев являлись Минусинская котловина, Барабинские степи, а также окрестности Томска и Красноярска, где образовывались целые колонии из переселенцев. Немало их проживало в сопредельных районах Западной и Восточной Сибири, лежащих по Енисею [Эйсуль 1931: стб. 25] (ср. [Горюшкин 1976: 134]).

В Омской губернии латгальцы основали сёла Елизаветинку, Салтыковку, Сосновку (Кулачье), Малиновку и др. В Томскую губернию латгальцы начали переселяться, начиная с конца 90-х гг. XIX в. В 1897–1898 г. ими были заселены село Койбинка в Вороно-Пашенской волости и село Бороковка, ставшее позднее волостным центром. Первыми жителями Бороковки были Александр Эйсан, Павел Краваль, семьи Лоц, Рымшан, Павлюкевич и др. Зажиточные переселенцы начинали с обустройства хозяйств, а бедняки нанимались на железную дорогу, чтобы заработать необходимые средства. Один из жителей села, А. Павлюкевич вспоминал: «Я сам работал на железной дороге два года. Крестьяне экономически жили плохо. Сахара на семью употреблялось в год фунта четыре. Грамотных было столько,

что мне пришлось одному расписываться за 280 человек при получении зарплаты» [*ГАНО: 859_1_301_18].

Большая часть переселенцев-латгальцев прибыла в 1903 г., но основная их масса — в 1907–1908 гг. Среди зарегистрированных переселенцев из Витебской губернии в Томскую в 1894 г. было немало таких, которые осваивали таёжные урманы. Только в окрестностях Томска и Каинска латгальцы² основали 5 новых посёлков [Кауфман 1897: 267]. Переселенцы-латгальцы, как правило, селились вблизи имеющихся костёлов в смешанных селениях вместе с латышами, эстонцами, немцами. По состоянию на начало двадцатых годов латгальцы и латыши жили в 50 волостях Томской губернии, компактно — в 25 волостях, более чем в 25 населённых пунктах [*ЦДНИТО: 1_1_1568_2 об.].

В 1909 г., по данным газеты «Дрыва», в Тобольской, Томской и Енисейской губерниях было около 125 деревень, населённых латгальцами, общая численность которых в Сибири накануне первой мировой войны превышала 20 тысяч человек [История 1954: 370].

Основным занятием латгальцев было сельское хозяйство и отхожие промыслы, в качестве подсобных выступали лесоразработки и частично охота.

Известный дореволюционный исследователь переселенческих проблем А. А. Кауфман отмечал, что прибалтийские поселенцы в Сибири заселяли 35,9 % лесных, 35,1 % степных и 29,0 % лесостепных участков [Кауфман 1905: 242]. «В среде переселенцев, — отмечал он, — действительно, встречаются такие, которые ведут образцовое, даже и не для своего только района, хозяйство. В глухом тарском урмане мне пришлось попасть в только что за год перед тем возникшие латышские (латгальские — М. К.) посёлки; за один год латыши расчистили из-под густого леса широкие квадраты пахотных полей, — и не только расчистили, но сняли покрывавший почву густой войлок мёртвой травы и мха, который, перепрев, должен был пойти на удобрение почвы; эти поля были разбиты на небольшие полосы, на которых уже были сделаны первые посевы какого-то мудрёного плодосеменного севооборота; на усадьбах, кроме чистых и просторных жилых домов, у некоторых были готовы тёплые хлева и сеновалы, — словом, можно было вообразить себя где-нибудь в окрестностях Дерпта или в имении новгородского помещика, раздавшего землю под хутора эстонцам или латышам» [Кауфман 1905: 328].

---

² А. А. Кауфман пишет о латгальцах и литовцах (прим. ред.).

Раскорчёвывать тайгу пришлось и переселенцам из Латгалии в Енисейскую губернию. Здесь ими было образовано около 50 населённых пунктов в Канском, Ачинском, Минусинском и Красноярском уездах [*ГАРФ: 1318_1_918_2].

В годы первой мировой войны произошло резкое сокращение переселенческого движения в Сибирь в связи с курсом правительства на его ограничение [Горюшкин 1978].

Вместе с тем в годы войны в Сибирь устремилась новая миграционная волна — беженцы, значительно увеличившие долю национальных меньшинств в составе населения региона. Бедствия, обрушившиеся на население прифронтовых районов, вынуждали их добровольно покидать родные места и бежать вглубь России. Причём кадровые рабочие вместе с эвакуированными предприятиями оседали, как правило, в промышленных районах страны, а в Сибирь шло преимущественно сельское население и неквалифицированные рабочие, кустари, ремесленники, крестьяне. Первые беженцы появились в Сибири в июле 1915 г. К 1 февраля 1917 г. общая их численность в крае достигла 86 664 чел. [Киржниц 1929: стб. 263]. Среди них доля беженцев нерусской национальности достигала 25–30 %. Наиболее многочисленными группами беженцев, помимо поляков и латышей, стали латгальцы.

Жизнь их вдали от родины была трудной. При общей сутолоке беженцы теряли из виду своих родных и близких и в особенности детей, так что многие семьи не досчитывались то одного, то другого из своих членов [Краткий обзор 1916: 99]. Как только беженцы намеревались где-нибудь поселиться, найти заработок или обратиться за пособием — от них тотчас требовали паспорта и, немного позже, кроме того особые удостоверения — беженцев и, во многих случаях также, удостоверение о национальности [Краткий обзор 1916: 77].

После Октябрьской революции Советская власть приложила немало усилий для вовлечения выходцев из Прибалтики в строительство нового общества. Для каждой крупной национальной группы тогда были созданы специальные секции при губернских и уездных Советах, партийных комитетах, а также органах народного образования. Однако вплоть до середины 20-х гг. латгальцы участвовали в общественно-политической жизни Сибири в составе латышских секций. И только в октябре 1925 г. по заданию Сибирского крайкома ВКП(б) было начато комплексное обследование латгальского населения в Сибири. В ходе обследования, например, оказалось, что в Томской

губернии из 13 тыс. латышских поселенцев 7 тыс. были латгальцами. В составленной докладной записке по итогам обследования отмечалось, что «экономическое положение латгальцев прямо противоположно экономике латышей-фермеров. У латгальцев — малоземелье, чересполосица, громадный процент т. н. бобылей (имеющих избёнку и крохотный огородишко), сильно развит отхожий промысел — бурлачество». Подчёркивалось, что «если культурный уровень латышей довольно высок, почти европейский, то латгальцы стоят на весьма низком образовательном уровне (80–85 % неграмотных в 1914 г.). В царское время латгальцы школ на родном языке не имели, грамоте обучались матерями и бабушками, к тому же не по учебникам, а по молитвенникам» [*ГАНО: П-2_1_2419_38].

Суммируя результаты обследования, Сибкрайком ВКП(б) в одном из своих решений постановил: «Нужно приложить максимум усилий, чтобы издать на латгальском наречии ряд материалов по сельскому хозяйству, а также издать приложение к латышской газете „Сибиряк Циня“ на латгальском наречии» [*ГАНО: П-2_1_1007_43–44]. На совещании в Томске в 1925 г. было принято решение дифференцировать латгальцев и латышей ввиду того, что первые являются католиками, а вторые — протестантами, и этот момент необходимо учитывать в работе с ними [*ЦДНИТО: 1_1_1417_6].

Глава 2.

КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СРЕДИ ЛАТГАЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ

После принятия 18 июня 1926 г. декрета Совнаркома РСФСР «По докладу народного комиссариата просвещения о просветительской работе среди национальных меньшинств РСФСР» в качестве главных задач подъёма культурного уровня национального населения было намечено следующее: расширение сети школ первой ступени (начальных четырёхлетних), увеличение числа дошкольных учреждений, а также укрепление кадрового состава преподавателей [О просветительской работе 1926: 23–24]. Конкретные меры были определены на первом Всероссийском совещании по всеобщему обучению среди нацмен (17–22 мая 1927 г.), где подробно рассматривались планы всеобуча и типы школ для разных национальностей [Культурная жизнь 1975: 698]. В ходе обсуждения было решено «признать преподавание на родном языке основным условием методически-правильной постановки дела в советской школе I ступени и положить означенный принцип в основу своей работы среди нацмен» [О резолюциях 1927: 222]. Одновременно указывалось на необходимость усиления внимания к преподаванию русского языка во всех национальных школах с целью «облегчения оканчивающим курс продолжения образования в русских школах повышенного типа, а также и для участия их в общественно-политической жизни СССР» [О резолюциях 1927: 222].

В резолюции совещания отмечалось, что западные национальности являются наиболее благополучной группой в отношении осуществления школьного дела на родном языке «в силу своей высоко развитой национальной культуры, сравнительной обеспеченности национальным учебником и наличия педагогов-националов (немцы, ев-

реи, латыши). Но и среди перечисленных национальностей вопросы засорения национального языка, происходящего вследствие влияния окружающего большинства, слабого ещё владения литературным национальным языком педагогами-националами, незнания своей родной, национальной литературы должны быть безусловно предусмотрены в мероприятиях по закреплению родного языка в начальной школе» [Резолюции 1927: 234]. Особое внимание совещание обратило на латгальское население. Подчёркивалось, что «создание национального учебника, подготовка педагогов-националов, выпуск вообще литературы на латгальском языке являются первоочередными задачами для латгальской школы» [Резолюции 1927: 234].

В Сибири к этой работе приступили в 1927 г. Обследование положения школьного дела среди латышей и латгальцев Сибирского края, проведённое в августе 1927 г., дало такую картину: в восьми сибирских округах насчитывалась всего 41 школа: 25 латышских и 16 латгальских. И если у латышей имелось 39 учителей, то в латгальских школах только 11. Поэтому в пяти латгальских школах преподавание вели русские учителя, а три школы за неимением педагогов были закрыты [*ГАНУ: П-2-1_1_1634_44]. Относительно благополучной ситуация со школами была в Ачинском и Томском округах, где имелось соответственно 8 и 6 школ, в том числе одиннадцать первой ступени, однако в Тарском, Омском и Канском округах не было ни одной [*ГАНУ: П-2_1_2415_20].

Развернулась кропотливая работа по развитию народного образования латгальцев. В июне 1927 г. состоялось первое краевое совещание по работе среди национального населения. Оно проходило под знаком дальнейшей дифференциации в культурном просвещении, чтобы «наряду с усиленным обслуживанием наиболее отсталых из них было бы обеспечено неуклонное углубление и расширение просветительной работы <с представителями> из среды культурно-развитых», к которым относились и выходцы из Прибалтики [О работе среди нацменьшинств 1927: 6].

Предстояло для обеспечения коренного перелома в сознании людей решить огромный комплекс проблем. «Кажется, простое дело — подсчёт детей в сёлах с русско-латышским населением, — писал А. С. Розин. — ...Но латышские ребята часто не выделены в особые группы, хотя обследователи насчитывали этих детей больше, чем требуется для нагрузки группы» [Розин 1928: 64].

Важной проблемой было преодоление нейтральности и аполитичности значительной части национальной интеллигенции, объяснявшихся целым рядом причин: происхождением, традициями, трудностями материально-бытового характера, уровнем образования и воспитания.

Серьёзной помехой в деле образования был большой отсев учащихся. Причём, как правило, бросали школу дети бедняков и батраков, что нарушало принцип советской школы.

Однако уровень индустриализации страны не только поставил задачу осуществления начального и семилетнего обучения, но и создания условий для перехода к всеобучу. В Сибири в 1927–1929 гг. проводились мероприятия по обеспечению общедоступности школы при добровольном её посещении. А со второй половины 1929 г. на основе указаний XIV Всероссийского съезда Советов в наиболее подготовленных районах Сибири стал вводиться всеобуч [Григорьева, Соскина, Хорошев 1980: 118].

К 1929–30 гг. в Сибири число школ первой ступени по латгальским населённым пунктам возросло до 27. Однако проблема заключалась в том, что в своём большинстве это были только школы-трёхлетки. Таким образом, решение Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) о том, чтобы национальные школы предусматривали обязательный пятилетний срок обучения, не было выполнено. А существующие школы могли охватить только чуть более половины детей школьного возраста. Так, по сведениям, собранным в ходе обследования латгальских школ инструктором агитпропотдела Сибкрайкома ВКП(б) Блаумом, в 1929 г. не было охвачено учёбой в Тарском округе — 41,2 % детей школьного возраста, в Красноярском — 35 %, в Омском — 30,4 %, в Ачинском — 40,3 % [ГАНО: 859_1_10_110].

Состояние школьных зданий в большинстве своём было плачевным. Многие из них размещались в арендуемых крестьянских избах, состоящих из одной комнаты. Такие школы отапливались буржуйками. К примеру, Дроздовская латгальская школа в течение ряда лет не имела своего помещения, и дети были вынуждены ходить в соседнее село Таловку заниматься в помещении русской школы. Частыми были болезни и простуда у детей. И хотя население Дроздовки неоднократно выступало с инициативой построить новое помещение под школу и выделило для этой работы плотников, местный райисполком не пошёл навстречу пожеланиям людей.

Острой оставалась проблема учительских кадров. В 1929 году в Сибири было всего 27 учителей-латгальцев, но лишь три человека из них были со специальным образованием. Остальные учительские вакансии занимали люди с низшим образованием, выпускники совпартшкол и просто выдвиженцы из числа бывших учеников. Нехватка учителей, культпросветработников, избачей не позволяла заниматься в должном объёме культурным просвещением.

Латгальских изб-читален в 1928–29 гг. в Сибири насчитывалось всего три. В качестве избачей здесь работали два латыша и один русский. Сеть пунктов по ликвидации неграмотности среди взрослых имела 1–2 ликпункта на округ.

Хотя и медленно, но сдвиги в просвещении латгальцев происходили. На пленуме Центрального бюро латышских секций ВКП(б) в Москве, который проходил 30 мая — 2 июня 1929 г. (был заслушан латинструктор Агитационно-пропагандистского отдела Сибкрайкома) отмечалось: «Констатировать увеличение за последние два года школьной сети на 10 единиц, особенно среди латгальцев» [*ГАНУ: 859_1_10_20].

В школах активно разворачивалось групповое и индивидуальное обучение, шли поиски новых форм, методической работы, приспособленной к национальным условиям, составлялись программы как для ликпунктов, так и школ малограмотных. Интересной формой работы по ликвидации неграмотности в латгальских сёлах явилось создание так называемых «островков грамотности». Так назывались те сельские советы, которые ставили задачу достижения поголовной грамотности населения в более короткие сроки. Безусловно, что основой для выделения такого сельсовета являлось наличие хорошей материальной базы и необходимых кадров для работы.

Для Сибири было особенно важным в возможно короткие сроки перевести все латгальские школы в разряд пятилеток, что приравнивалось к русской школе с четырёхлетним сроком обучения. Дополнительно к этому были выделены средства для организации двух школ крестьянской молодёжи в Итатском и Ачинском районах Ачинского округа, и по одной — в Красноярском, Томском, Минусинском и Барабинском округах. Была усилена работа по подготовке латгальской молодёжи для поступления в средние и высшие учебные заведения: Ачинский педтехникум, латгальское отделение Ленинградского института им. Герцена, Коммунистический университет и Красноярскую совпартшколу [*ГАНУ: 859_1_10_41–43].

В принятом 11 ноября 1929 г. постановлении «Об избах-читальнях» ЦК ВКП(б) выдвинул задачу обеспечить в течение пятилетки каждый сельсовет хорошо работающей избой-читальней [Об избах-читальнях 1929: 271]. Для этого партия и государство обратились за помощью к населению. Национальное крестьянство охотно откликнулось на призыв помочь делу народного образования. Они участвовали в строительстве зданий, заготовке топлива, на крестьянских сходах принимались решения о проведении самообложения на нужды просвещения. В школах и избах-читальнях собирались сельские сходы, устраивались громкие читки и различные вечера, ставились спектакли, проводились занятия групп ликбеза и школ малограмотных, осуществлялась агрономическая и санитарная пропаганда.

Складывающаяся сеть изб-читален в латгальских сёлах, особенно там, где население размещалось компактно, дополнялась крестьянскими красными уголками. Предоставленное бесплатно или за договорную оплату крестьянское личное жилище превращалось в своеобразный культурный центр. Здесь работники, так называемые красноугольцы или красные чтецы, проводили занятия, пропагандировали последние государственные и партийные решения.

Важным элементом в латгальской деревне стала агрономическая учёба, в задачу которой входило внедрение практических навыков работы в новых условиях, пропаганда сельскохозяйственной кооперации. На практических занятиях демонстрировались передовые приёмы хозяйствования, навыки работы с поступающей сельскохозяйственной техникой, организовывались выставки. К этой работе, помимо учителей, избачей, активно привлекались агрономы, ветврачи и другие специалисты сельского хозяйства.

Предпринятые усилия позволили в 1928–1929 гг. удвоить темпы строительства школ в Сибири. Ежегодный прирост здесь был выше на 5–6 %, чем в целом по РСФСР (по материалам справочника [Народное просвещение 1932: 40–41, 48–49]). Происходило бурное развитие работы по ликвидации неграмотности среди национального населения, в том числе и латгальцев. В России в 1928–29 гг. ликвидировали неграмотность 100 тыс. человек, в 1929–30 гг. — 800 тыс., а в 1930–31 г. планировалось обучить грамоте 3 млн. 300 тыс. представителей национальных меньшинств — неграмотных и малограмотных [Скачков 1932: 27].

25 июля 1930 г. Центральный Комитет ВКП(б) принял постановление «О всеобщем обязательном начальном обучении», в кото-

ром потребовал ввести повсеместно, начиная с 1930–31 учебного года, всеобщее обязательное начальное обучение детей в возрасте 8–9–10 лет с последующим распространением обязательности обучения на детей 11 лет [О всеобщем обязательном начальном обучении 1930: 184]. Данное постановление означало перенесение ранее намеченных сроков введения всеобщего с 1933–34 [О введении всеобщего начального обучения 1925] на 1930–31 учебный год.

Исполкомы Советов разработали планы ликвидации неграмотности среди отдельных национальностей с указанием возможных конкретных сроков окончания работы. По Западной Сибири намечалось закончить ликвидацию неграмотности среди «западных» национальностей, к которым относились латгальцы, к октябрю 1931 г. [Борьба за культуру 1931: 67], а в Восточной Сибири — к октябрю 1932 г. [О состоянии 1931: 12].

Поэтому на краевом совещании «западных» национальных меньшинств, которое состоялось 15 февраля 1930 г. в Новосибирске, латгальская делегация остро поставила вопрос о составлении учебников для латгальских школ первой ступени и пунктов ликвидации неграмотности. В ходе прошедшей дискуссии с учётом реальных возможностей было решено сконцентрировать на первых порах усилия на составлении двух учебников — для школ первой ступени и для ликпунктов. При этом отмечалось, что учебники должны быть составлены на сибирском материале и «должны быть рассчитаны на районы сплошной коллективизации». Всю работу возглавила комиссия, куда вошли от редакции газеты «Тайснейба» («Правда», см. гл. 4) Э. Аболин и два опытных педагога — Ю. Вуцан и Загорский. В компетенцию комиссии входило также определить круг лиц из числа опытных педагогов-методистов и культпросветработников, которые могли бы в короткий срок написать учебники и методические указания [*ГАНО: 859_1_1_39].

Для подготовки учительских кадров на первых порах кандидаты из числа латгальцев занимались на курсах вместе с латышами. Программа таких курсов предусматривала как общеобразовательную, так и политическую подготовку. На курсах в Ачинске летом 1929 г. занималось 40 латгальских и латышских учителей. Когда курсанты узнали о зверствах властей, производимых в Двинской крепости с политзаключёнными, они собрались на митинг поддержки и приняли резолюцию, в которой отмечали: «Несмотря на те все зверства над рабочими и крестьянами латвийским палачам не удастся потушить

тот пролетарский огонь, который с каждым днём пылает и будет пылать всё ярче» [*ГАНО: 859_1_1_40, 48].

В сентябре 1931 г. в Новосибирске состоялись первые краевые латгальские учительские курсы повышения квалификации, где обучалось 22 педагога. Судя по отзыву одного из участников, «курсы прошли хорошо, мы выросли на должную высоту» [*ГАНО: 47_1_1599_25].

Западно-Сибирский крайисполком в 1932 г. учредил штаты межрайонных национальных школьных инструкторов-методистов. Для латгальцев один инструктор приходился на 50 школ. Конечно, это было очень мало, однако всё же позволяло координировать школьную работу в латгальских деревнях [*ГАНО: 47_1_2151_198].

В связи с развитием радиовещания в Сибири, редакторам национальных газет края, среди которых был и редактор «Тайснейбы» А. Эйсуль, было поручено в феврале 1932 г. сделать всё необходимое, чтобы сконцентрировать имеющиеся материальные средства в одних руках. Персональную ответственность за выпуск радиопередач на латгальском языке нёс А. Эйсуль. Было также решено увеличить время радиовещания для латгальцев Сибири до 45 мин. на передачу с периодичностью выхода в эфир 3–4 раза в месяц [*ГАНО: 859_1_232_1; 859_1_52_27, 68].

В 1931 г. при Ачинском педагогическом техникуме было создано латгальское отделение, на котором училось около 90 слушателей. Одновременно через краткосрочные учительские курсы при техникуме были переподготовлены и повысили свою квалификацию почти все работающие учителя-латгальцы. В 1935 г. на латгальском отделении обучалось уже 125 человек [*ГАНО: 47_1_2151_198].

Дальнейшими конкретными мерами, направленными на подъём культурного просвещения национальных меньшинств, стало создание в январе 1932 г. при Западно- и Восточно-Сибирском краевых отделах народного образования специальных комитетов по просвещению национальных меньшинств, в задачу которых входило руководство всей культурно-просветительной работой, инспектирование национальных школ, издание учебников на родном языке.

В плане издания латгальских учебников, утверждённых президиумом Западно-Сибирского комитета по делам издательства 8 мая 1934 года, значилось 10 наименований общим тиражом 12,5 тыс. экземпляров. В числе авторов «Арифметики» были С. Ероман (жена А. Эйсуля, впоследствии репрессированная) и Гровер, «Книгу для

чтения» и «Грамматику» составляла Дашкевич, «Географию» — Лоц, «Обществоведение» — Межуль, «Естествознание» — Юргель и др. [*ГАНО: 47_1_2526_120]. Предполагалось, что в первую очередь будут выпущены 5 учебников для начальной и 1 для неполной средней школы, а во вторую — оставшиеся 4 учебных пособия. К этой работе активно подключились крайОГИЗ (Объединение государственных книжно-журнальных издательств) и типография, которым было поручено «обратить особое внимание на улучшение качества оформления учебников» [*ГАНО: 859_1_194_27].

Энтузиазм и напряжённый ударный труд людей, от которых зависела судьба учебников, сделали своё дело. К новому 1934/35 учебному году было издано более 15 учебников по различным дисциплинам для латгальских школ [*ГАНО: 61_1_1324_18].

Близилась к своему разрешению проблема педагогических кадров, которая у латгальцев, из всех прибалтийских национальностей, была наиболее острой. Ещё в начале 1935 г. в сводном балансе по педагогическим кадрам среди прибалтийских поселенцев Западно-Сибирского края отмечался недостаток 23 учителей (для сравнения: у эстонцев — не хватало только 2, а у латышей учительский корпус был полностью укомплектован) [*ГАНО: 859_1_87_139–140].

Однако уже к началу нового учебного года прибыли подготовленные в центральных и сибирских учебных заведениях специалисты: четыре выпускника Коммунистического университета национальных меньшинств запада, 14 — Ачинского педтехникума, 10 выпускников совпартшкол [*ГАНО: 61_1_1323_29].

Направленный для контроля в латгальские сёла инспектор крайоно С. Южаков, посетив ранее недоукомплектованные школы, с удовлетворением отмечал: «Потребности в педагогических кадрах для начальных латгальских школ нет» [*ГАНО: 859_1_52_21–22].

О признании проделанной в Сибири работы можно судить по тому факту, что по результатам Всесоюзного конкурса латышских и латгальских школ в 1934 г. четыре школы были признаны победителями и удостоены денежных премий. Так, латгальская Окуневская неполная средняя школа Западно-Сибирского края была отмечена за полный охват всех детей школьного возраста, успехи в учебной и воспитательной работе. Широкую известность в Сибири имели латгальские новаторы-педагоги: зав. Акимовской начальной школой Залян, преподаватель Витебской неполной средней школы Змилтень, директор Бороковской неполной средней школы Плоцинь,

преподаватель Креславской начальной школы Крепш и др. [*ГАНУ: 859_1_87_5; 859_1_145_77].

По сути, за пятилетку и произошёл качественный скачок в деле народного образования латгальцев. Успеваемость учеников в школах составляла в среднем 94 %, посещаемость — 95 %. Выборочное обследование, проведённое в 1935 г. в десяти школах показало, что там имелось всего 26 второгодников. Активно работали кружки: 11 драматических, 7 хоровых и 5 физкультурных, а также 5 кружков юных безбожников. Отмечалась хорошая работа пионерских отрядов во всех школах [²Taisneiba, 1934, 25, 27, 29 сент.].

Огромную роль в воспитании детей и приобщении их к вопросам общественно-политической жизни страны сыграли слёты школьников-ударников. Они особенно активно проводились в 1934 и 1935 гг. и охватили 18 латгальских школ Сибири. Один из них, наиболее интересный, состоялся в пос. Двинский Тюхтетского района Красноярского края, информация о нём подробно представлена в краевой печати [*ГАНУ: 859_1_85_214; 859_1_37_12, 15].

Надо сказать, что вопросы народного просвещения постоянно присутствовали на страницах национальной прессы. Только в сентябре 1934 г. газета «Тайснейба» поместила ряд материалов, в которых освещался передовой опыт лучших учителей, а также отмечались недостатки, мешающие работе. Например, в заметках «О школе и об учителях не заботятся» и «Как мы встречаем новый учебный год» критиковалась слабая работа местных органов власти Ачинского и Кожевниковского районов в деле помощи школе, в корреспонденции «Диким выходкам Альбины Зуян надо положить конец» говорилось о том, что эта женщина истязала своих детей-школьников за участие в общественной работе [*ГАНУ: П-3_5_6813_19].

В газету писали и сами дети. Так, пионерка Валя Грауба, ученица шестого класса г. Новосибирска, прислала свои впечатления о летнем отдыхе в пионерском лагере на берегу Оби. Активным юнкором краевой газеты в с. Северном Северного района был шестнадцатилетний Иван Бизан (псевдоним «Глаз»), который помимо работы с молодёжью вёл всю культурно-воспитательную работу по учёту латгальцев в районе и помогал распространять здесь латгальские периодические издания [*ГАНУ: 859_1_87_4].

Высокую активность в культурном строительстве проявили молодёжь и комсомольские ячейки национальных сёл и хуторов. Принятый ранее лозунг «Каждый комсомолец должен обучить одного не-

грамотного» приобрёл новое звучание. Принимались решения обучить несколько неграмотных. Идя навстречу запросам крестьян, молодёжь и комсомольцы включались в движение за массовый библиотечный поход, организовывали сбор книг для деревни, участвовали в подписных кампаниях на латгальскую прессу. Однако комсомольские ячейки пока ещё не были массовыми. На 1 января 1933 г. в Западной Сибири насчитывалось 82 комсомольца из числа латгальской молодёжи [*ГАНУ: 859_1_87_6, 7].

Вторая Всероссийская конференция латгальских культпросветработников, состоявшаяся в Ачинске 11–14 июля 1935 г., подвела ряд важных итогов. В качестве главного достижения было отмечено то, что в Сибири на это время имелись 54 латгальские школы, в том числе 6 неполных средних, латгальское отделение Ачинского педтехникума, 14 изб-читален и 19 красных уголков. На национальной работе постоянно состояли 104 латгальца. К 1935 году было издано значительное количество книг и брошюр латгальских авторов. Благодаря помощи латгальской секции общества «Прометей» и редакции газеты «Тайснейба» вышли в свет 17 стабильных учебников по различным областям знаний на родном языке [*ГАНУ: 859_1_87_7].

Однако многое ещё предстояло сделать. В числе первоочередных мер по культурному просвещению латгальцев, на которые направлялись советские, партийные и хозяйственные органы, было превращение изб-читален в культурные базы. Для этого нового участка работы были выделены необходимые кадры из числа латгальцев, ранее занятые на других работах. В течение 1936 г. в Сибири было создано 5 мощных культбаз: в Краснотуранском районе (центр — с. Кресславка), Ачинском (с. Окунево), Кривошеинском (с. Маличевка), Тяжинском (с. Бороковка) и Венгеровском (с. Тимофеевка). Все они стали опорными пунктами культурно-просветительной работы и для близлежащих районов.

Конференция в Ачинске приняла также ряд предложений, направленных на улучшение развития культуры в регионе. В частности, было решено войти с ходатайством в центральные органы об открытии латгальской совпартшколы в Сибири, а при латгальском отделении Ачинского педтехникума — отделения заочного обучения.

Важным фактором стало решение о введении обязательного минимума по латгальскому языку для учителей латгальских школ. Учитывая разный уровень учебных заведений и их кадровый состав, предполагалось ввести дифференцированный подход. Учителя на-

чальных школ в 1936 году должны были сдать минимум в объёме программ 5 классов и до 1 сентября 1937 г. — в объёме 7 классов. Учителя неполных средних школ — в объёме 7 классов, а преподаватели педтехникума — в объёме полной программы техникума [*ГАНО: 859_1_161_33].

Ачинская конференция также решила реорганизовать работу латгальской секции «Прометей» таким образом, чтобы руководство массовой работой секции было перемещено в Сибирь — ближе к основным латгальским массам населения, а в Москве осталась лишь группа издательских работников [*ГАНО: 859_1_31_10, 16].

Однако это решение осталось невыполненным. Взамен переезда латгальская секция «Прометей» предложила взять шефство над рядом латгальских колхозов, наиболее отсталых в культурном отношении. Выбор пал на Ново-Адамовский сельский совет. Прибывший из Москвы зав. латгальской секцией общества «Прометей» И. Кукой провёл здесь большую работу: в кратчайший срок были организованы и проведены курсы по подготовке председателей и бригадиров колхозов, обучению доярок, телятниц и т. д. Школы сельского совета на средства шефов приобрели инструменты для занятий художественной самодеятельностью, а также радиоприёмники и фотоаппарат. Было закуплено на 500 рублей художественной литературы, а также выделено более 1000 рублей на текущие нужды школ [*ГАНО: 859_1_304_45–46].

Ещё в 1934 г. латгальское отделение «Прометей» предприняло важную инициативу — начать издание книг по истории революционного движения в Латгалии, куда вошли бы воспоминания его активных участников. Специальное совещание по этим вопросам состоялось 17 августа 1934 г. в Москве. От Сибири на нём присутствовала А. Межуль. Выступая в прениях, она одобрила эту инициативу и сказала: «Я только что вернулась из Сибири и там, в редакции „Тайснейбы“ обсуждали этот вопрос. Сибиряки рекомендуют <не ограничиваться только> революционным движением в Латгалии, но... включить <и> сюжеты, связанные с участием сибирских латгальцев в партизанском движении» [*ГАНО: 859_1_152_128–130, 131].

Позднее в Сибирь был послан редактор журнала «Цейняс Каругс» И. Кукой, который вместе с сотрудниками «Тайснейбы» И. Ивулем и И. Мейкшаном посетил Краснотуранский, Новосёловский и Кривошеинский районы Красноярского края с целью сбора материалов для сборника «Достижения латгальцев к 20-летию Советской власти» [*ГАНО: 859_1_145_79, 97].

Летом 1936 г. в Сибири произошло новое важное событие в культурной жизни латгальцев — в Ачинске состоялся «кинофестиваль», а точнее просмотр новых фильмов, выпущенных киностудиями страны в последнее время. На праздник съехались около 300 человек, причём только считанные единицы из них видели прежде звуковое кино. Зрители впервые для себя смотрели фильм братьев Васильевых «Чапаев», кинокомедию «Гармонь», «Человек-невидимка», «Песнь о счастье» и др. Просмотр продолжался с 10 утра и до 20 вечера. В городском саду играл оркестр, люди танцевали, играли в бильярд и другие игры. В своих отзывах люди благодарили организаторов за доставленное удовольствие. Один из участников, колхозник колхоза им. 17 партсъезда Окуневского сельсовета А. Янцан писал: «Только в условиях нашей страны, где руководят партия и тов. Сталин, возможна такая весёлая жизнь» [*ГАНО: 859_1_89_2].

Широкое распространение среди латгальцев получили смотры художественной самодеятельности (по-тогдашнему — олимпиады). Они проходили в сёлах, районах, в рамках отдельных сельсоветов и т. д. На них обычно собиралось очень много зрителей, которые одновременно являлись и участниками. Так, летом 1935 г. в с. Окунево Ачинского района состоялась районная олимпиада художественной самодеятельности латгальских и латышских колхозов. На смотр приехали более 600 участников [*ГАНО: 859_1_249_14].

Конечно, культурное строительство среди латгальцев, также как и по всей стране, проходило в сложных условиях сталинских деформаций. Очень часто судьба школ и культурно-просветительных учреждений зависела от позиции местных органов власти и хозяйственных руководителей. Ряд из них с бездушной чёрствостью относился к нуждам школ и учителей. Так, учитель Никитинской школы Окуневского сельсовета Ачинского района К. Стыврайн 14 марта 1935 г. писал в газету «Гайснейба»: «Школа находится в очень тяжёлых условиях. С осени нам колхоз отпускал по литру молока в день, а остальных продуктов не давал. С декабря месяца по сей день, особенно в январе, феврале и марте живём на одном хлебе с водой. И то за хлебом приходится ездить за 50 километров, отрываясь от школы на три дня. Леса на ремонт школы нам не дают. 3 марта вечером кто-то выстрелил в окно квартиры директора школы т. Кокоревича, который проверял тетрадки. Пуля прошла над его головой...» [*ГАНО: 859_1_145_47].

Председатель колхоза «Гайсма» Окуневского сельсовета Л. Баркан отобрал у школы корову и приписал её колхозу. Масло, которое

предполагалось получать с фермы для горячих завтраков школьников, колхоз не давал [*ГАНО: 859_1_57_6].

В другом случае зав. латгальской начальной школой д. Алгаштык Краснотуранского района сообщал о том, что он не один раз жаловался районным организациям на председателя местного сельсовета за задержку зарплаты учителям. В последний раз зарплата не была выплачена за три месяца [²Taisneiba, 1937, 7 февр.].

И подобные случаи были, к сожалению, типичными. Не случайно в сводке фактов газеты «Тайснейба», которые не были пропущены цензурой в печать, имеются и многочисленные сообщения о невыплате на местах зарплаты учителям по три месяца и более [*ГАНО: 859_1_276_148].

Газета «Тайснейба» в 1937 г. поместила статью, в которой отмечалось, что начальные латгальские школы выпускают учеников, слабо подготовленных по русскому языку [Styurainš 1937]. Причиной этого явилось отсутствие специальных программ и недостаточное число часов на изучение русского языка [*ГАНО: 859_1_216_31]. И вот вместо конкретной деловой помощи специалистов развернулась политическая кампания. На многих учителей были навешаны националистические ярлыки. Здесь на первый план выдвигалась уже не профессиональная компетентность, а преданность делу Сталина. Запуганные учителя д. Реженка Кузовлёвского сельсовета ко дню выборов в Верховный Совет СССР 6 ноября 1937 г. все как один приняли обязательство «повысить качество обучения и воспитания учащихся» [*ГАНО: 859_1_304_2].

Многие работники сферы образования и культуры были арестованы и расстреляны. Так на основании доносов были «разоблачены и арестованы как враги народа» директор А. Юревич и завуч В. Сондор в Тимофеевской школе Венгеровского района [*ГАНО: 859_1_216_9, 12, 13].

В 1937 г. нелёгкая судьба постигла Ачинский педтехникум, переименованный к тому времени в педучилище. И хотя латгальское отделение за это время было укреплено опытными кадрами, часть из которых прибыла из Ленинградского университета — например, Бронислав Лоц, перспектив на его дальнейшее развитие не стало. Особенность техникума заключалась в том, что, находясь в Восточной Сибири, он готовил кадры для всей Сибири. По этому поводу часто возникали трения между органами народного образования Западной и Восточной Сибири. В 1937 г. Запсибкрайно просил выделить

17 выпускников латгальского отделения для работы в Западно-Сибирском крае. Однако в заявке было отказано, так как органы народного образования Красноярского края приняли решение оставить их у себя в крае, мотивируя тем, что здесь не хватает 11 специалистов [*ГАНО: 859_1_197_139, 140, 142].

На руководство техникума посыпались доносы, на основании которых были арестованы директор А. Люстик и зав. латгальским отделением А. Сондор.

Репрессиям подвергались не только люди, но и книги. После разгрома латгальского отделения общества «Прометей» в число изданий на латышском и латгальском языках, подлежащих обязательному изъятию из библиотек общественного пользования, школ и книготорговой сети, попали книги Леона Паэгле, Рудольфа Блаумана, Линарда Лайцена, сборники «Латышский революционный стрелок» и «Латышский календарь» на 1937 г., «Второй съезд социал-демократов Латвии», литературный сборник «Танк» и даже избранные латышские народные песни — «Дайнас».

9 октября 1937 г. исполняющий обязанности редактора газеты «Тайснейба» Д. Грауба писал в книжную палату КОГИЗа (Книготорговое объединение государственных издательств): «Не так давно вы нам дали список латгальских книг для объявления в газете. Между перечисленными в объявлении книгами имеется книга авторов В. Дашкевич и А. Межуль «Хрестоматия по литературе», часть 2, для 4-го класса. Получил сведения, что в ней имеется фото врага народа — Эйдемана и его статьи. Для проверки срочно шлите нам одну книгу и проверьте на складе и если это так, то срочно такие книги изъять». Далее прилагался длинный список книг, подлежащих изъятию, под грифом «Оглашению не подлежит». А ниже была приписка, сделанная Граубой своему сотруднику: «Проверь и список шли обратно, иначе мне не поздоровится» [*ГАНО: 859_1_197_61].

Конечно, в этих условиях вся культурно-просветительная работа шла под мощным давлением идеологического диктата партии и угрозой репрессий НКВД. Прибывший в мае 1936 г. в Красноярск на общее собрание представителей латышей и латгальцев округа, где присутствовало более 160 человек, редактор «Тайснейбы» А. Эйсуль при обсуждении вопросов культурно-массовой работы, по сути дела, ушёл от них, сумев только ограничиться идеологическим клише: «Благодаря мудрому руководству нашего великого Сталина, благодаря его исключительной заботе о национальных меньшинствах, бла-

годаря единственно правильной генеральной линии партии, мы быстрыми шагами идём и в 1937 г. придём к бесклассовому социалистическому обществу». А избранная на собрании секция по оргработе среди латышей и латгальцев округа так и не смогла развернуть свою деятельность [*ГАНУ: 859_1_223_198].

Голос правды становился всё глуше. На страницах печати и книг замелькали обличения врагов народа, призывы к бдительности и панегирики в честь Сталина. Конечно, это сказалось и в описании культурных вопросов на страницах национальной печати. Селькор Давыдов из колхоза «Гайсмас Старс» Ачинского района прислал в газету заметку, начинающуюся словами: «На краю деревни, заливаясь во все голоса, звенит гармошка, переплетаясь с бодрыми здоровыми голосами девушек и парней, поющих песню о счастливой радостной жизни» [*ГАНУ: 859_1_247_82–89].

Латгальская пресса была заполнена стихами, вроде тех которые присылал регулярно «поэт» из колхоза им. Тельмана Краснотуранского района Осип Пельман:

«Теперь лишь дунет Советская власть,
Со страху враг должен пропасть.
Сейчас врагов мы не боимся
И храбрыми лётчиками гордимся.
Один наш сокол Водопьянов
Врагов разгонит как баранов.
С Северным полюсом он знаком
И враги народа ему нипочём.
У нас уж времечко настало —
Дождались мы осеннего сева.
А в СибЛАГе, я знаю, таких очень мало,
Чтоб работали честно и без гнева.
Но нам, честным, нужно замечать
Бывший царский корень зла —
И нужно им в глаза сказать,
Что выдернем мол, Вас, с корня...».

А в это время многие, действительно стремящиеся к искусству и культуре люди, которые нуждались в поддержке своих первых литературных шагов, были в растерянности, недоумевали из-за отсутствия реального содействия. Один из них, комсомолец, писал: «И мы, начинающие поэты-латгальцы, сталинского заботливого отношения к себе не чувствуем. Хочешь пиши, хочешь нет. Никто ничего не скажет».

Таким образом, «штурмовые методы» в культурно-просветительной работе, применявшиеся в 20-е и частично 30-е гг., опалённые сталинскими деформациями, привели к противоречивым результатам. Сказывались администрирование, торопливость в решении сложных вопросов, наблюдались попытки приукрасить действительную картину, преобладал настрой в кратчайшие сроки решить задачи культурной революции.

Немало недостатков, помимо субъективизма, было обусловлено и объективными трудностями. В целом, конечно, невысокой была квалификация учителей и культпросвет работников. В процессе поисков ещё только вырабатывалась методика обучения грамоте, не было чётких критериев оценки знаний.

Тем не менее, важнейшим достижением можно считать то, что к концу 30-х гг. Сибирь стояла на пороге превращения в край сплошной грамотности, а латгальские поселенцы региона, вместе со всеми трудящимися, активно приобщались к культурным ценностям.

Глава 3.

ЛАТГАЛЬСКИЙ МЕЖКОЛХОЗНЫЙ ТЕАТР

Латгальский межколхозный театр был создан в ноябре 1934 г. по инициативе просветительного общества «Прометей» и редакции краевой газеты «Тайснейба». В докладной записке в адрес отдела культуры и пропаганды Западно-Сибирского крайкома ВКП(б), посланной 13 сентября 1934 г., сообщалось, что главной задачей передвижного театра будет обслуживание национального и русского населения Сибири, и, наряду с чисто театральной деятельностью, театр будет «проводить массовую культурно-политическую и организационную работу» [*ГАНУ: 859_1_42_46]. Разрешение на этот счёт было получено, и вскоре была утверждена смета расходов. Средства на организацию театра выделило общество «Прометей» и краевые организации. Местом постоянного пребывания театра был определён г. Ачинск Красноярского края. Первым режиссёром театра был назначен коммунист П. Ю. Липен, которого вскоре сменила В. П. Спогис, а директором — Д. А. Цируль. Труппа в начальный период состояла всего из 8 артистов и комплектовалась из рабочей и колхозной молодёжи. Профессиональное ядро составили законтрактованные артисты из Ленинграда: И. И. Галван, В. А. Балцер, В. Е. Вуцан, М. Е. Логинов, А. А. Шкельтин, Т. С. Валько и др.

При постоянной поддержке советских и партийных организаций края театр объединил в своей труппе единомышленников и бурно развернул свою деятельность. В его репертуаре были спектакли на латгальском и русском языках, песни, частушки, народные танцы, художественное чтение стихов латышских, латгальских, русских поэтов. Действовал струнный оркестр.

Только за год работы после своего создания театр посетил все латгальские колхозы Западно-Сибирского и Красноярского краёв, дал 196 спектаклей и 80 концертов, на которых присутствовало свыше 25 тыс. зрителей. Артисты проехали по сибирскому бездорожью свыше 4 тыс. километров, выступали в 15 районах, 86 латгальских колхо-

зах, 9 латышских, 20 русских, а также литовских, немецких и татарских, на 8 совхозных фермах и в 11 бригадах. Помимо театральной работы, силами артистов было выпущено 36 стенных и 28 «живых» газет, прочитаны 72 лекции по общественно-политической тематике, организовано 16 деревенских драмкружков. Артисты сумели привлечь 17 человек на подписку газеты «Тайснейба» и 205 — на журнал «Цейняс Каругс» [*ГАНУ: 859_1_42_3, 27]. Селькор Т. Грибанов из д. Рямовской Куйбышевского района в своей заметке писал: «Были концерты, песни очень нравились. Артисты учили нас петь песни и танцевать физкультурные танцы. На третий вечер было собрано общее собрание, где директор и парторг театра прорабатывали устав сельхозартели с колхозниками, и также была выпущена стенгазета» [[?]Taisneiba, 1935, 2 апреля].

Своей деятельностью театр быстро завоевал себе широкую популярность и любовь населения. Колхозники колхоза «Крестьянин» Тяжинского района так отзывались о гастролях артистов: «Для нас приезд театра, его концерты и постановки были большим праздником». Крестьяне колхоза «Латгалец» Юргинского района говорили: «Мы, колхозники, находим спектакль очень полезным для поднятия культурной жизни». Земледельцы артели «Нацмен» Куйбышевского района заявили: «Мы благодарим партию и правительство за то, что не забывают нас, живущих в далёких уголках Сибири» [*ГАНУ: 859_1_42_37–38].

В январе — феврале 1936 г. труппа театра прошла специальную стажировку при новосибирском театре «Красный факел» под руководством заслуженного артиста Полежаева и артиста Иловойского. После окончания стажировки театр дал два концерта по новосибирскому радио (19 и 24 февраля), были исполнены латгальские и латышские народные песни [*ГАНУ: 859_1_42_27].

За год при помощи опытных режиссёров был подготовлен новый репертуар, значительное место в котором заняли сатирические стихи Д. Бедного и С. Михалкова, впервые была осуществлена музыкальная инсценировка на стихи М. Жарова «Гармонь» и поставлена пьеса В. Вишневского «Тихая гавань». Труппа разучила 50 новых концертных номеров.

Весной 1936 г. театр гастролировал в Красноярском крае, где артисты выступили перед тружениками 19 латгальских, 12 русских и 7 латышских колхозов. Было дано 7 концертов в школах, которые посетило свыше тысячи детей. Всего за три месяца напряжённой работы

труппа сыграла 60 спектаклей, обслужив более 8 тыс. зрителей. Из трёх тысяч пройденных километров половину пути артисты проехали на лошадях или прошли пешком.

Резко возрос объём политико-массовой работы театра. В колхозах было проведено 38 бесед по вопросам посевной кампании, внедрения стахановского движения, читались лекции по национальному вопросу. Популярными у населения стали громкие читки. Театр оказал шефскую помощь колхозам в выпуске бригадных стенных газет, помогал организовать на селе 18 хоровых, музыкальных и драматических кружков, в актив которых вошли 214 человек. Своя самодеятельность активно заработала в колхозах «Гайсмас Старс», «Гайсма», «Весёлая горка», им. 17 партсъезда, «Латышский пахарь», «Целтне» и др., в состав которых вошла лучшая часть колхозной молодёжи — ударники труда [*ГАНО: 859_1_144_66–69].

Артисты театра оказывали помощь в организации районных смотров самодеятельности талантов. 26 июля 1936 г. жюри первой районной олимпиады художественной самодеятельности Ачинского района Красноярского края объявило благодарность режиссёру латгальского театра Валентине Петровне Спогис за «хорошую подготовку латышских и латгальских колхозников в районной олимпиаде молодых дарований» [*ГАНО: 859_1_144_61]. Более частыми стали выступления артистов на радио. Весной 1936 г. театр дал три концерта по красноярскому радио, заслужив много благодарных отзывов слушателей.

В начале 1937 г. труппа театра командирована на три месяца в труднодоступные горные и таёжные районы Сибири: Краснотуранский, Новосёловский, Бирилюсский и Тюхтетский, где артисты дали около 70 концертов и спектаклей, на которых присутствовало свыше 8 тыс. зрителей. Однако творческая сторона всё более подменялась политикой. Артисты в первую очередь должны были отчитываться в количестве проведённых политико-массовых мероприятий.

Не случайно в отчёте директора Д. А. Цируля за первый квартал 1937 г. отмечалось: «Театром проведены в колхозах и бригадах 26 докладов и бесед на политические темы, они увязывались с конкретными задачами каждого колхоза. После каждой инсценировки вместе со зрителями развёртывалась критика и самокритика недостатков и ошибок в работе колхоза и отдельных колхозников с указанием путей их исправления» [*ГАНО: 859_1_307_9].

В этих условиях многие творческие работники театра, стремясь уйти от конъюнктуры политиканства, находили своё призвание в организации и поддержке кружков художественной самодеятельности в колхозах, в фольклоре. Так артист театра И. А. Романовский оказал огромную методическую помощь в становлении хоровых и музыкальных обществ латгальцев отдалённого Бириллосского района.

Материальные условия театра были крайне стеснёнными. С января 1937 г. он перешёл в сеть колхозно-совхозных театров Западно-Сибирского края и местом его дислокации стал Новосибирск. Однако положение ещё больше ухудшилось. Штаты по-прежнему оказались недоукомплектованными. Вместо положенных 16 артистов в труппе насчитывалось 12 человек. Большинство из них составляли выходцы из кружков художественной самодеятельности. Краткосрочные курсы, проведённые в 1936 (один месяц) и 1937 (два месяца), хотя и дали артистам некоторые навыки, однако не смогли внести решающего перелома в творческую сторону. В связи с этим общество «Прометей» по просьбе сибиряков командировало из Москвы композитора Я. Я. Озолина, с помощью которого был составлен новый репертуар.

Летом 1937 г. перед коллективом театра выступил А. Эйсуль, доклад которого был посвящён т. н. «делу Тухачевского, Якира, Эйдемана и др.». После этого коллектив театра «единодушно одобрил приговор специальной коллегии Верховного суда СССР о расстреле восьми вышеуказанных предателей». Было решено снять с репертуара «Песнь о Родине» Эйдемана, а для поднятия политического уровня коллектив театра обязывался регулярно читать газеты и политическую литературу. Собрание завершилось принятием резолюции, в которой говорилось: «Мы, коллектив латгальского театра, ещё больше сплотимся вокруг великой партии Ленина-Сталина, удесятим бдительность в повседневной работе в колхозах». Резолюцию подписали от имени коллектива директор Д. Цируль, парторг Чач и профорг Шкельтин [*ГАНО: 859_1_221_19].

Жёсткий контроль был установлен за репертуаром театра. 28 июня 1937 г. зам. редактора газеты «Тайснейба» Д. А. Логин был вынужден дать в «компетентные органы» справку о том, что исполнение артистами латгальской песни «Кумелени, кумелени» и ещё одиннадцати других, а также драмы латышского писателя Райниса «политически и идеологически вполне выдержаны» [*ГАНО: 859_1_307_6].

Это не спасло театральный коллектив от репрессий. К осени 1937 г. из 11 артистов, работающих в труппе, органами НКВД было

арестовано 7 человек. Их судьбу разделил и директор Донат Альбинович Цируль. В архивах сохранилась выписка из протокола № 27 заседания бюро райкома им. Кагановича¹ г. Новосибирска от 27 октября 1937 г. На бюро райкома Д. Цирулю вменялось в вину то, что он якобы «засорил театральный коллектив классово-чуждыми и враждебными людьми и восстановил самые грязные и позорные стороны закулисной жизни дореволюционного буржуазного театра, проводил вражескую работу в театре». Вдобавок вспомнили и то, что брат Цируля был исключён из партии и осуждён на три года за невыполнение хлебозаготовок, а брат его жены исключён из партии за сокрытие социального положения. Другой его брат якобы служил в белой армии. И хотя раньше первичная партийная организация театра, пытаясь спасти Д. Цируля, объявила ему строгий выговор с предупреждением и занесением в личное дело, бюро райкома отменило решение первички и исключило его из партии. 4 января 1938 г. по постановлению органов НКВД Д. А. Цируль был осуждён по статье 58-2-10-11 УК РСФСР и приговорён к расстрелу.

В газете «Советская Сибирь» анонимный автор, спрятавшийся под псевдонимом «Латгалец», опубликовал заметку «Оздоровить латгальский театр», в которой писал: «Нужно до конца выкорчевать гнездо буржуазных националистов и решительно оздоровить латгальский колхозный театр» [Латгалец 1937].

В это же время в портфеле редакции газеты «Тайснейба» лежала подготовленная, но не увидевшая свет, статья Яна Кейрана «Великому зрителю», где говорилось о плодотворной и чрезвычайно нужной работе театра, отмечалось творческое мастерство режиссёра Валентины Петровны Спогис. Не был обойдён вниманием и Д. Цируль, о котором говорилось, что это «глубокий человек, партизан и большевик, столб... крепкого идейного руководства <в театре>». Заканчивался очерк такими словами: «Цветёт наша Советская страна. Большими шагами шествуют её народы к бесклассовой социалистической жизни. Стало радостно и светло жить на большевистской большой земле» [*ГАНО: 859_1_283_48].

---

¹ В г. Новосибирске имелся район им. Кагановича.

Глава 4.

ЛАТГАЛЬСКАЯ ГАЗЕТА В СИБИРИ

Единственная в СССР латгальская газета «Тайснейба» («Правда») начала выходить по постановлению ЦК ВКП(б) в мае 1926 г. Печаталась она на четырёх полосах в типографии «Советская Сибирь» форматом почти как «Крестьянская газета». Первый номер вышел в свет 15 мая. Периодичность издания колебалась: в первые годы она составляла 4–8 номеров в месяц, в 1935–36 гг. — 10 раз в месяц, а в 1937 г. — 8. Ежемесячный тираж составлял в разные годы 1–2 тыс. экземпляров [*ГАНУ: П-2_1_2419_38; 859_1_4_7]. Редакторами газеты в различные годы являлись Я. Д. Силинек, П. Д. Гровер, А. Д. Эйсуль и Д. А. Грауба.

Становление латгальской прессы проходило непросто, не было полной ясности с её изданием в Сибири, мешали многие организационные трудности. В один из напряжённых моментов редактор газеты Я. Д. Силинек был вынужден обратиться с заявлением в Центральный комитет ВКП(б) с просьбой освободить его от работы, ввиду того, что всю редакционную, издательскую и организационную работу он вёл один, а помощников не было [*ГАНУ: П-2_1_2414_20].

Специально вопрос о газете для латгальцев Сибири обсуждался на заседании Сибкрайкома 16 октября 1928 г. После дискуссий было поддержано решение закрыть её по бюджетным соображениям, так как дефицит составлял 13 тыс. рублей. На эту точку зрения Сибкрайкома в немалой степени повлияло и выступление первого секретаря Р. И. Эйхе, который заявил: «Латгальцев у нас чрезвычайно мало. Латгальцы не нуждаются в особой газете... до выхода „Тайснейбы“ латгальцы пользовались латышской газетой, и поэтому впредь могут пользоваться газетой на латышском языке» [*ГАНУ: П-2_1_2419_39].

Однако вскоре ситуация изменилась в лучшую сторону, центральные органы выделили дотацию и газета продолжала выходить. В мае 1929 г. редакция «Тайснейбы» вместе с латышской «Сибиряк Циня» и с эстонской «Сибири Театая» провела заседание краевого

бюро по организации социалистического соревнования между Сибирским краем и Северным Кавказом. Было решено развернуть социалистическое соревнование, вовлечь в него национальное население, определить в каждом округе коллективы, сёла, единоличные бедняцко-средняцкие хозяйства, могущие быть застрельщиками этого дела [*ГАНО: 859_1_1_1].

В 1930 г. ситуация с изданием газеты вновь обострилась, что потребовало специальных мер по укреплению прежде всего материальной базы. На заседании латгальской делегации краевого совещания западных национальных меньшинств, состоявшемся 15 февраля 1930 г., наряду с другими, особенно обсуждался вопрос о помощи «Тайснейбе». Была отмечена остановка роста её тиража. Особенно плохо обстояло дело в Ачинском округе, где жило много латгальцев. Поэтому было решено, используя зимние месяцы, провести целенаправленную агитацию по распространению газеты [*ГАНО: 859_1_1_39].

Партийные и советские органы Сибири, выполняя решения XVI съезда партии, стремились поднять уровень и идейное содержание национальной печати. 29 января 1931 г. в «Советской Сибири» была опубликована статья «Как борются „Сибиряк Циня“ и „Тайснейба“ за линию партии в национальном вопросе» [В. 1931]. Редакционная статья была в определённой мере тенденциозной. Отмечая в целом значение этих газет для культурного просвещения прибалтийских поселенцев, статья одновременно указывала на ряд недостатков: не освещались в должной степени успехи и достижения сталинской национальной политики, слабо велась борьба с проявлениями шовинизма и национализма и т. д. В статье подчёркивалось, что основными направлениями в работе национальной печати должна стать мобилизация масс на выполнение решений XVI съезда партии, борьба за коллективизацию сельского хозяйства и интернациональное воспитание трудящихся.

Критическое выступление «Советской Сибири», безусловно, сказалось на содержании и характере газетных публикаций. Уже в марте 1931 г. «Тайснейба» поместила ряд статей, посвящённых национальной и интернациональной проблематике. В газете «Сибиряк Циня» появилась новая рубрика, пропагандирующая решения XVI съезда ВКП(б).

На третьем совещании при Сибкрайисполкоме по работе среди национальных меньшинств, состоявшемся 21 ноября 1931 г., среди

других вопросов, специально обсуждался вопрос о национальной печати. Совещание приняло решение помочь газетам материально и кадрами. Принятые меры способствовали тому, что к марту 1932 г. средний разовый тираж «Тайснейбы» составил 2 тысячи экземпляров [*ГАНУ: П-3_4_7_190; ...5_500_69].

Читательской аудиторией газеты стала вся страна. Ширился круг рабочих и крестьянских корреспондентов. Особенно активно сотрудничали в газете Мария Мейкшан (Минусинск), Александр Логинов (Красноярск), Антон Каска (Томский округ), комсомолец Антон Мейкшан (с. Бороковка), Антон Скрузман (с. Власовское Томского округа), Антон Спругул (Алма-Ата), учащийся латгальского отделения Красноярской совпартшколы Г. Салимея. Опыт советского строительства, проблемами и противоречиями работы в таёжной глубинке делился секретарь Бороковского сельсовета Итатского района Ачинского округа Иосиф Жунда [*ГАНУ: 859_1_7_12–88].

Кулаки пытались индивидуальным террором запугать или уничтожить деревенских активистов, сельских корреспондентов, заставить их отказаться от борьбы за новую жизнь, подавить их политическую активность. В ночь на 23 ноября 1930 г. в таёжном селе Алгаштык в своей квартире был зверски убит селькор «Тайснейбы», секретарь местного сельсовета Викентий Кайро вместе с женой. Только чудом уцелел его восьмидневный сын Владимир. На протяжении ряда лет В. Кайро был одним из активных организаторов новой жизни, часто помещая в газете корреспонденции о переустройстве своего села. В частности он писал, как кулаки, чтобы запугать бедноту, по ночам расклеивали листовки, агитируя против колхозов и Советской власти, с угрозами о «страшном суде» и «Варфоломеевской ночи». В. Кайро вскрыл случай избияния во время хлебозаготовок члена комиссии Забиняка группой кулаков. В одной из своих корреспонденций, опубликованной в газете, селькор резко выступил против пролезшего в члены сельского совета кулака, который активно способствовал принятию дополнительного плана по заготовке картофеля, контрактации (заключению с государством договоров на производство) озимой ржи и сбору средств на трактор только для того, чтобы потом провалить его на общем собрании [[?]Taisneiba, 1930, 13 окт.; *ГАНУ: 859_1_10_85–89]. Другому селькору И. Шенгелевичу кулаки грозили убийством его и семьи за то, что он разоблачал «гнусавых врагов» [*ГАНУ: 859_1_86_1].

Однако угрозы кулацкого террора не запугали корреспондентов. В декабре 1931 г. с газетой активно сотрудничали 47 человек, а в от-

чёте редакции по работе с рабселькорами, посланном в Западно-Сибирский крайком ВКП(б) 21 апреля 1937 г. приводятся следующие данные:

1934 г. — 75 рабселькоров,
1935 г. — 131,
1936 г. — 205,
1937 г. — 243 [*ГАНУ: 859_1_225_48].

Правда, необходимо отметить, что особенно в 1936–37 гг. среди присланных в газету материалов было немало доносов, оговоров.

В 1936 г. в трёх районах Сибири были проведены курсы рабселькоров — редакторов стенных газет, на которых занимались 36 человек. Часть средств для курсов выделило общество «Прометей». Слушатели получали основы теоретической подготовки, практические советы по выпуску стенгазет. В 12 районах были проведены беседы-совещания с рабселькорами, в которых приняло участие 140 человек. А в 1936 г. в Новосибирске состоялся семинар культработников, активно сотрудничающих с прессой (36 чел.). Семеро лучших из них получили от редакции «Тайснейбы» в качестве премии небольшие библиотеки с литературой на латгальском языке. Подобные семинары и совещания помогли поднять качество присылаемых в газету материалов, сделать её боевым оружием для решения насущных проблем идейно-политического воспитания трудящихся.

Рабселькоры на занятиях учились отбирать и обрабатывать материал, видеть сущность явления, давать ему точную оценку и грамотно донести её до читателя. Корреспондентская работа не только повышала профессионализм печати, а, следовательно, её действенность, но и способствовала политическому воспитанию самих рабселькоров, формированию у них чувства сопричастности к общему делу. На свои письма и заметки селькоры получали из редакции ответы с обстоятельным, доброжелательным анализом и практическими советами. Вот, например, что писал руководитель рабселькоровского отдела «Тайснейбы» И. Мейкшан селькору Волченко в августе 1936 г. Вначале он подробно разбирает его заметки, где мягко упрекает его за однообразие присланных материалов и тягу к цифрам и даёт дружеский совет: «Вам надо понять вот что: редакция не есть райземотдел или райисполком, которые собирают только конкретные данные о ходе того или иного мероприятия. Редакция — есть массовый орган, котор<ый> долж<ен> на живом примере учить других людей, показывать, как надо работать хорошо. Почему бы Вам не

взять отдельного косильщика, конюха, пахаря, вязальщика — да мало ли хороших колхозников, и показать его со всеми подробностями работы, жизни, быта, экономического роста сельского хозяйства. Или, скажем, описать работу колхозной фермы, кузницы, или один день на уборке урожая. Ведь много же конкретных и интересных тем. Только с одним условием — на первом месте пусть фигурируют живые люди, а цифры и проценты использовать как вспомогательный материал. Конечно, писать о живых людях гораздо труднее, чем цифрами. Это значит, что надо их, прежде всего, хорошо знать, жить с ними, видеть их работу. Но зато такой материал для газеты будет гораздо ценнее. С приветом...» [*ГАНУ: 859_1_225_41].

Тематика корреспонденции была обширной и, по сути, охватывала все стороны хозяйственной и общественно-политической жизни. В заметке «Ново-малиновцы, не слушайте кулацкой агитации, организуйте колхоз» вскрывалась тактика саботажа колхозов. Борьбе с пьянством и самогоноварением посвящал свои заметки селькор В. Воног из села Креславка. Антон Вигуль из колхоза «Красный латгалец» прислал в газету своё стихотворение «Тем, кто не хочет жить в колхозе» и т. д. [²Taisneiba, 1934, 16 дек., 22 нояб.]. Конечно, многие материалы не доходили до читателя. Так в сводке фактов, не пропущенных цензурой в газете «Тайснейба» на 20 августа 1932 г., оказались сообщение селькора о связи латвийского консула в Москве с латгальским посёлком Николаевка Кривошеинского района, об эмиграционных настроениях среди латгальского населения Абаканского района, о засухе в этом же районе, о недостатке хлеба в Елизаветинском сельсовете Калачинского района, об организованном отказе одиночников д. Креславка помочь убрать сено соседнему колхозу и т. д. [*ГАНУ: 859_1_57_5].

Газета считала своим долгом освещать разностороннюю деятельность культурно-просветительных учреждений. Она обращала внимание на будничную, кропотливую работу культурных очагов, тщательно собирала, изучала факты действительного строительства новой жизни в деревне. В заметке «Женщины», присланной в газету 27 марта 1936 г., рассказывалось о праздновании международного женского дня в селе Бороковка. В клуб этого села с четырёх окрестных колхозов собрались женщины-латгалки. В начале они прослушали доклад, а затем по решению правлений колхозов лучшие работницы-ударницы были награждены отрезами мануфактуры и платьями. С весёлым настроением женщины разъехались по домам [*ГАНУ: 859_1_90_158].

Эффективность присланных в газету материалов была достаточно большой. По многим из них сразу же принимались необходимые меры. После опубликования в газете статьи «Прекратить варварское отношение к лошади» председатель колхоза «Узвара» Тайгинского района прислал ответ, в котором сообщалось, что виновные строго наказаны [[?]Taisneiba, 1935, 8 янв.]. В другом случае на основании селькоровских материалов было собрано правление колхоза «Красный латгалец» Креславского сельсовета, после чего в газету сообщили о принятых мерах по улучшению трудовой дисциплины [*ГАНО: 859_1_41_94].

Важное место редакция уделяла национальному вопросу. В редакционной статье «Недооценивают национальную работу», опубликованной 22 ноября 1934 г., критиковались отдельные работники Барабинского и Тяжинского районов, которые допускали поверхностный подход к колхозно-кооперативному и школьному строительству у латгальского населения [Vucans 1934].

Материалы, присланные с мест, занимали значительную часть газетной площади. Так, в 1934 г. было опубликовано 407 заметок, присланных рабселькорами, из них зимой — 98, весной — 97, летом — 98, осенью — 114¹.

Обстоятельно и всесторонне обсуждалось положение «Тайснейбы» на пленуме Центрального бюро латышских секций при ЦК ВКП(б), прошедшем в 1933 г. Пленум одобрил политическую линию газеты, отметив при этом ряд важных достижений — увеличение тиража и формата, рост сети рабселькоров. Одновременно перед газетой была поставлена главная задача — «продвинуть вопрос собрания всех партийных и культурных сил трудящихся латгальцев Советского Союза». В числе других ближайших задач было — организовать в деревнях батрачество и бедняцко-средняцкую часть вокруг «Тайснейбы», облегчая Советской власти осуществление хозяйственной и культурной перестройки латгальской деревни, последовательно разоблачая антисоветскую кулацко-ксендзовскую деятельность. Редакции также предстояло в кратчайший срок увеличить тираж газеты и укрепить свой состав [*ГАНО: 859_1_10_11].

К концу октября 1934 г. тираж газеты составил 1138 экземпляров [*ГАНО: 859_1_4_7].

Одновременно была сделана попытка осуществить выпуск специальной детской газеты. В 1934 г. со стороны редакции в адрес За-

---

¹ Подсчитано автором по гонорарным ведомостям [*ГАНО: 859_1_32_1–42].

падно-Сибирского краевого комитета ВКП(б) была направлена просьба утвердить смету на издание детской латгальской газеты «Пионеру Тайснейба» («Пионерская правда») тиражом 1500 экземпляров и периодичностью выхода 3 раза в месяц. Редакторами планировались А. Эйсуль и Д. Логин. Однако этот проект не был реализован по финансовым соображениям [*ГАНУ: 859_1_29_4].

В последующие годы укреплялась материальная база газеты, рос тираж и количество подписчиков. На 1 декабря 1935 г. у газеты было 1320 подписчиков, а к 1937 г. их число достигло почти 2 тыс., в том числе:

Новосибирская область — 1108

Красноярский край — 638

Ленинградская область — 118

Западная область — 57

Московская область — 26

Дальневосточный край — 4

Омская область — 11

Башкирская АССР — 2;

в розницу продавалось 34 экземпляра газеты [*ГАНУ: 859_1_35_12–14; ...210_15; ...30_22].

Штат сотрудников значительно укрепился и на 1 апреля 1935 г. составлял 6 человек. Во главе газеты стоял член партии с 1919 г. Александр Данилович Эйсуль, бывший токарь, выпускник Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (КУНМЗ). Редактором он стал в октябре 1928 г., когда был переведён на эту работу с должности зав. национальным подотделом Томского окружка ВКП(б).

Заместителем редактора был Доминик Алоизович Логин, тоже член ВКП(б) с 1919 г., журналист и юрист, переведённый с должности помощника прокурора Ленинградской области, а ответственным секретарём — Пётр Данилович Гровер, бывший учитель, работающий в газете с сентября 1928 г. Сотрудниками газеты были Иван Ивуль, Карл Бандер, Донат Грауба. Авторитет газеты был высок, поэтому летом 1935 г. сектор печати ЦК ВЛКСМ направил сюда на практику студента комсомольского отделения Коммунистического университета журналистики им. Воровского Иосифа Мейкшана.

Издательские возможности газеты, конечно, были ограничены. Шрифты для неё были приобретены ещё в 1926 г., очень износились, и печать получалась слепая. Помог случай. На складе краевого отдела

снабжения (крайснаба) случайно было обнаружено 100 кг шрифтов для латышской газеты, которые пошли в дело. В апреле 1936 г. «Тайснейбе» было передано оборудование ликвидированной эстонской газеты «Коммунар», что позволило значительно укрепить её издательские возможности [*ГАНУ: 859_1_307_72].

По своей инициативе летом 1936 г. редакция «Тайснейбы» применила в целях рекламы и дальнейшего распространения газеты следующий способ. Практика некоторых сельпо (сельских потребительских обществ — магазинов), обслуживающих латгальские населённые пункты, показала, что кооперативы могут успешно осуществлять розничную продажу газеты. Поэтому редакция посчитала, что в ряде мест газету может распространять продавец кооператива. Для этого в адрес сельпо высылались в кредит заказанное количество экземпляров, а продавец за работу получал 10 % комиссионных [*ГАНУ: 859_1_192_127].

Тогда же редактор А. Эйскуль, составляя план на третью пятилетку, высказал следующие соображения о развитии и перспективах своей газеты:

1938 г. — выходит 12 раз в месяц, тираж 2000 экз.;

1939 г. — выходит 12 раз в месяц, тираж 2250 экз.;

создание детской газеты — 3 раза в месяц, тираж 1500 экз.;

1940 г. — «Тайснейба» — 15 раз в месяц, тираж 2500 экз.;

детская газета — 5 раз в месяц, тираж 1750 экз.;

1942 г. — «Тайснейба» — 18 раз в месяц, тираж 3000 экз.;

детская газета — 6 раз в месяц, тираж 2500 экз.

[*ГАНУ: 859_1_307_49].

Однако его планам не суждено было сбыться.

В мае 1936 г. газета отметила своё десятилетие. К празднику своего печатного органа трудящиеся-латгальцы приняли социалистические обязательства. Накануне юбилея, на совещании колхозников Ачинского района собравшиеся заявили, что их колхозы будут бороться за 150 пудов зерновых культур с гектара, за удои молока — 25 тыс. литров в год, за 100–110 пудов мёда с улья и вызывали на социалистическое соревнование все латгальские колхозы.

Если в начале тридцатых годов в селькоровском движении преобладали агитационно-пропагандистские тенденции, то впоследствии на первый план стали выходить организаторско-производственные функции. В постановлении ЦК ВКП(б) от 16 апреля 1931 г. «О пере-

стройке рабселькоровского движения» подчёркивалось, что «селькоры колхозов должны быть в первых рядах борцов за социалистическую организацию труда в колхозах... соцсоревнование, ударничество и т. д.» [О перестройке рабселькоровского движения 1931: 287].

Стало набирать ход движение ударников печати. Суть его заключалась в том, что селькоры, наряду с функциями корреспондентов, стали всё чаще брать на себя роль организаторов соревнования. Для инструктажа и конкретной помощи в этом деле на места выезжали работники редакции. В марте 1936 г. в Кривошеинский район был командирован спецкор И. Пастор для организации учёбы селькоров и помощи колхозному активу в выпуске стенгазет. Летом 1937 г. редакция «Тайснейбы» командировала художника Я. К. Янсона в Нарымский округ для зарисовки портретов передовиков латгальских колхозов [*ГАНО: 859_1_307_15].

Редактор А. Эйсуль выезжал в Тяжинский, Ачинский и Тюхтетский районы для организации краткосрочных курсов редакторов колхозных бригадных стенгазет, слётов передовиков и селькоров перед весенним севом [*ГАНО: 859_1_145_40, 41]. После этого в газете было помещено 8 рецензий на материалы стенгазет. Во время посевной и других хозяйственных компаний с корреспондентами поддерживали телеграфную связь.

Во второй половине 30-х гг. переход в колхозах к постоянным бригадам в организации труда позволил создать новое звено низовой печати — бригадные стенгазеты. В состав редакций бригадных газет избирались лучшие ударники, вовлекавшие личным примером остальных колхозников в массовое соревнование. Так, стенгазета «Колхозный активист», издаваемая в колхозе «Доброволец» Чаргаринского сельсовета Венгеровского района в 1937 г., включала, к примеру, следующие статьи: «Жизнь и работа В. И. Ленина», отрывки из речи Сталина на траурном заседании XI Всероссийского съезда Советов 1924 г., заметки «Одолела матушка-лень» (о стиле работы правления колхоза), «Недисциплинированность» (критикуется работа скотниц), «Черепашьи темпы» (о слабой работе по снегозадержанию) и др. Редактором стенгазеты был комсомолец П. Путин [*ГАНО: 859_1_153_2–10].

В апреле 1937 г. редакцией «Тайснейбы» были проведены курсы редакторов бригадных стенных газет в Ачинском районе [*ГАНО: 859_1_215_29].

16 августа 1935 г. в Ачинске состоялась специальная конференция латгальских рабселькоров и начинающих писателей. Свои по-

здравления прислали Всесоюзное бюро латышских советских писателей, центральные органы: «Прометей», «Коммунару Циня», «Цейняс Каругс», немецкая газета «Коллективист». В ходе напряжённой работы делегаты обменивались опытом, учились профессиональной журналистской работе. Закрывая конференцию, писатель Н. А. Алексеев напутствовал рабселькоров: «Будьте бдительными стражами классовых интересов, пишите правду» [*ГАНО: 859_1_43_3–8].

А в это время над редакцией газеты нависла серьёзная опасность. Ещё в феврале 1935 г. редактор А. Эйсуль получил от органов НКВД требование представить подробный список сотрудников редакции с указанием социального происхождения, должности, службы в царской, белой или красной армии, возможной судимости и т. д. [*ГАНО: 859_1_218_40].

Следующим шагом был анализ переводов с русского на латгальский многих материалов, публиковавшихся в газете. В итоге обнаружили массу «политических ошибок», в частности, небрежный перевод речи Сталина на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК: «В оригинале сказано, что среди агентов иностранных государств довольно активную роль играли троцкисты, но в переводе не видно, что троцкисты фигурировали как агенты иностранных государств». Также были обнаружены ошибки в переводе речи А. Жданова и Конституции РСФСР [*ГАНО: 859_1_216_34–36]. Нашли авторов — ими оказались редактор А. Эйсуль и зам. редактора Д. Логин.

Вскоре в краевой печати появились критические материалы, в которых газету критиковали за серьёзные ошибки, в частности, такие как недостаточная связь с массами и неспособность показать живого человека — колхозника-стахановца.

Ответственный секретарь «Тайснейбы» парторг Донат Грауба, метя в кресло редактора, в статье, написанной 4 мая 1937 г. «Больше заботы о кадрах», демагогически писал: «В центре внимания печати должны быть вопросы большевистского воспитания кадров. Нужно, чтобы наши кадры, проверенные и закалённые в боях с врагами народа, умели распознавать врага, под какой бы маской он ни прятался, какую бы личину он на себя ни надевал. Славные традиции нашей газеты редактором „Тайснейбы“ тов. Эйсулем отчасти забыты. За это говорят такие факты: когда не так давно отдел печати крайкома ВКП(б) запросил сведения о рабселькорах, то часть таких сведений пришлось брать, как говорится, с потолка...» [*ГАНО: 859_1_279_10–11].

Вскоре, в августе А. Эйсуль был арестован.

Став путём доносов исполняющим обязанности редактора, Д. Грауба в первом приказе по газете сообщал:

«§ 1. Бывшего редактора Эйсуля А. Д. с 27 августа с. г. считать от работы в редакции отстранённым как арестованного по линии НКВД;

§ 2. Зам. редактора Логина Д. А. за связь с семьёй арестованного Эйсуля с 3 сентября от занимаемой должности отстранить и уволить из аппарата редакции» [*ГАНО: 859_1_206_25].

Своего соратника по доносам И. Мейкшана он назначил ответственным секретарём газеты. Сохранилось личное письмо Мейкшана, которое тот писал Граубе, будучи в Москве в командировке: «Я сегодня узнал, что редакторский стул от вельможи (А. Эйсуля — М. К.) освобожден и уплачено ему по заслугам. Ведь когда действительно просматриваешь весь его пройденный путь и ту борьбу, которую пришлось с ним вести, так теперь ясно становится его вредительская работа...». В конце письма он сообщал, что сегодня же сообщит во Фрунзенский РК ВКП(б) г. Москвы о «вредительской деятельности» ответственного работника общества «Прометей» В. Дашкевич, которую он считал правой рукой Эйсуля или даже больше [*ГАНО: 859_1_216_3].

Волна репрессий стремительно нарастала. Началась ревизия всех нацмениздательств Сибири, которая проходила с 10 октября по 10 ноября 1937 г. Был арестован бывший зам. редактора Д. Логин. По политическим соображениям, «за связь с врагом народа актрисой Вуцан» (своей женой — М. К.) из редакции был уволен зав. селькоровским отделом И. А. Ивуль, который затем решением Кагановичевского райкома партии г. Новосибирска от 27 октября 1937 г. был исключён из партии и арестован. Органами НКВД были взяты литсотрудник Бунц и бухгалтер Оболенская как враги народа. Жена А. Эйсуля — София Ероман после ареста мужа была в административном порядке выселена из квартиры вместе с малолетним сыном. Судьба их неизвестна [*ГАНО: 859_1_206_23; ...216_28; ...210_39; ...281_1].

Всего по «делу Эйсуля» было арестовано 22 человека (см. приложение 2, с. 62), многие из которых к редакции никакого отношения не имели. Всем им было предъявлено обвинение в том, что они якобы являются участниками «латышско-латгальской фашистско-националистической диверсионно-повстанческой террористической организации и в составе этой организации вели подготовку к вооружённому восстанию и совершению диверсий». Показания были сфальсифици-

рованы сотрудниками УНКВД по Новосибирской области. Все арестованные позднее были реабилитированы в 1956 г. (см. приложение 3, с. 64).

Находясь в заключении и ожидая расстрела, бывший зам. редактора Д. А. Логин в последнем письме родным писал: «Дорогие Люда и Бертик! Я чувствую себя довольно бодро, недостаёт лишь продуктов и из вещей как-то одной рубашки, валенок, портянок, шапки... Милый Бертик, слушай маму, учись отлично и будь хорошим пионером». Письмо было отправлено 24 ноября 1937 г.²

Работа редакции после арестов оказалась парализованной. Встав во главе её, Д. Грауба и И. Мейкшан только и занимались поисками врагов народа. На профсоюзном собрании газеты 16 сентября 1937 г. профорг Доминас говорил: «Проявлена большая близорукость и небдительность к различного вида проделкам Эйсудя, который затуманил глаза членам нашей профорганизации своими красноречивыми выступлениями. Несмотря на ряд сигналов о различного рода вредных проделках Эйсудя, надлежащие меры не были приняты. Знающие это, Логин и др. молчали, потворствовали врагу в проделках вредных не только нашей организации, но и всему народу». И. Ивуль (тогда ещё не арестованный) обрушился на Логина: «Это разложившийся, потерявший всякое политическое лицо человек. Когда Эйсудя арестовали, Логин всё ещё не верил в правдивость действий органов НКВД и разводил теории, что это мол, недоразумение». Точку в обсуждении поставил Д. Грауба: «Ставя себя большими журналистами и газетными работниками, они (Эйсудь и Логин — М. К.) разносили теории о том, что редакция развалится, если они уйдут. Мы же видим, что идёт подъём работы редакции после изъятия из аппарата этих вредных нам „газетных работников“». И далее он выдвинул главную задачу: «Ликвидация последствий вредительства должна протекать с повседневным изучением исторических документов, изучением большевизма» [*ГАНУ: 859_1_211_65, 67, 69–71].

О содержании проводимых политзанятий с сотрудниками можно судить по тому, что из 5, проведённых в одном из месяцев 1937 г., 4 были посвящены борьбе со шпионажем и вредительством [*ГАНУ: 859_1_211_1].

Вышедший на 8 страницах 7 ноября 1937 г. праздничный номер газеты был одним из последних [*ГАНУ: 859_1_43_3–8]. Были за-

---

² Материалы о Д. Логине автору любезно представил его сын — профессор Альберт Доминикович Логин.

крыты и многие центральные латгальские органы. Бывший секретарь журнала «Цейняс Каругс» Миглан в письме 5 декабря 1937 г. писал Д. Грауба, что журнал закрыли. Были ликвидированы газеты «Комунару Циня», «Дарба Берни». Журнал «Мазайс Коллективистс» был слит с журналом «Целтне» и под этим названием начал выходить один раз в месяц [*ГАНО: 859_1_224_23]³.

Значение газеты «Тайснейба» для жизни латгальских поселенцев Сибири трудно переоценить. Она способствовала консолидации латгальцев края, подъёму их самосознания и общественно-политической активности, развитию культуры и народного образования.

---

³ По данным библиографического указателя «Latviešu periodika» (2. sējums. 1920–1940. Revolucionārā un padomju periodika / Ā. Bremepele, Ē. Flīgere, V. Lūkina. Rīga, 1976), журнал «Celtne» перестал выходить в том же октябре 1937 г. (прим. ред.)

Глава 5.

СОВЕТСКОЕ И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО У ЛАТГАЛЬЦЕВ. КООПЕРИРОВАНИЕ И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

В советской работе главной задачей было то, каким образом учитывать специфику латгальского населения, связывая её с общим ходом социалистического строительства. В 1929 г. по 6 округам Сибири чисто латгальских и с преобладанием латгальского населения сельских советов имелось 19. Однако везде делопроизводство шло только на русском языке. Знающих латгальский язык секретарей сельсоветов было только 5 человек. При составлении местных бюджетов специфические нужды населения учитывались слабо. Поэтому, прежде всего, было необходимо уточнить ареалы расселения латгальцев, и там, где они проживали компактно, продолжить выделение специальных латгальских сельсоветов. Такая работа была проведена в 1929–1930 гг. На основании её дополнительно были организованы ещё 3 национальных сельсовета: Александровский и Витебский в Новосёловском районе Красноярского округа и Дроздовский в Тайгинском районе Томского округа [*ГАНО: 859_1_10_40].

К концу восстановительного периода социально-экономический облик сибирской деревни сильно изменился: на базе нэпа началось осереднячивание деревни, улучшилось материальное положение крестьян, произошло коренное изменение соотношения классовых сил. В этих условиях советские и партийные органы Сибири стремились придать экономическому развитию национального крестьянства целенаправленный и дифференцированный характер. С этой целью в ноябре 1927 г. состоялось первое окружное совещание национальных меньшинств Красноярского округа Сибирского края, где специально рассматривалась экономическая жизнь прибалтийских поселенцев. В постановлении отмечалось, что «в отношении прибалтийских народностей, сосредоточенных в юго-восточных районах округа, мероприятия должны быть направлены на развитие и закрепление про-

грессивных течений в нацменовских хозяйствах: введение травополья, севооборотов с развитием площадей посева технических и кормовых культур, развитие продуктового скотоводства племенного направления». Была выработана специальная программа, которая включала в себя четыре основных положения:

1) землеустроительная политика, предусматривавшая доведение размера землепользования в хозяйствах прибалтийских поселенцев до среднерайонного уровня;

2) организация сельскохозяйственных курсов по введению многопольных севооборотов, создание опытных показательных участков;

3) долгосрочное кредитование хозяйств, осуществляющих выведение продуктивного скота;

4) дальнейшее развитие простейших сельскохозяйственных кооперативов (животноводческих, семенных и т. д.), создание системы молочной кооперации [*ГАНУ: П-2_2-1_2422_157].

Реализация программы наталкивалась на большие трудности, связанные с особенностями ведения хозяйства у выходцев из Прибалтики. Главным препятствием была сложившаяся у большинства хуторская система. К примеру, латгальцы пос. Дроздовского Тайгинского района Томского округа неоднократно приступали к организации коллектива («и желающие есть»), но всему мешала хуторская система («двое идут в коллектив, третий в середине отказывается и всё пропадает»).

Латгальцы Вороновского района Томского округа ещё стараниями царских чиновников были разбросаны чрезвычайно малыми группами по всему району. Крестьяне неоднократно поднимали перед землеустроительными органами вопрос об отводе им участка под колхоз. Предполагалось, что в него войдут жители латгальских посёлков Топки, Александровка, Борзуновка и др. Однако землеустроительные органы в просьбе отказали. Случаем воспользовались местные сектанты-баптисты, которые взяли инициативу в свои руки и послали ходяков в Бийский и Барнаульский округа в поисках участка под «коллектив».

Надо сказать, что там, где землеустроительная политика не учитывала специфику латгальцев, сразу же возникало стремление к переселению в другие районы. Особенно это было заметно в 1929 г. в северных районах Барабинского, Ачинского и Томского округов [*ГАНУ: 859_1_10_40-41].

В. И. Ленин подчёркивал, что единственно приемлемым методом кооперирования является убеждение крестьянина на собственном опыте в преимуществах кооперативных объединений, нацеливание на решение постепенного, ступенчатого перехода мелкого товаропроизводителя к коллективным формам хозяйствования [Ленин 1923]. В латгальских сёлах Сибири постепенно развитие получали наиболее доступные формы кооперации: потребительская, сбытовая, кредитная, а также по переработке сельскохозяйственной продукции. В целом к 1930 г. различными формами потребительской кооперации латгальцы Сибири были охвачены в среднем на 80 %. Широкое развитие получила молочная кооперация. В Барабинском округе она составила 100 %. Начинали приобретать популярность машинные товарищества. Только в одной Бороковке Итатского района Ачинского округа насчитывалось по выселкам до 6 машинных товариществ.

Коммуна, как форма коллективного ведения хозяйства, у латгальцев распространения не получила. Только в начале 1930 г. в Ачинском районе была организована первая латгальско-латышская коммуна. В других местах предпринимались попытки, но они были безуспешны. Гораздо большее распространение получили ТОЗы (товарищества по совместной обработке земли) и сельхозартели.

На первых порах в кооперативном движении действительно присутствовала постепенность. Так, совещание по работе с латгальцами, прошедшее в 1929 г., поставило на ближайшее пятилетие задачу «организовать минимум по три латгальских колхоза в Барабинском, Томском и Ачинском округах и по два в Омском, Красноярском и Минусинском, а также наладить широкое издание необходимой сельскохозяйственной литературы на родном языке» [*ГАНУ: 859_1_10_41].

Мелкое крестьянское хозяйство в конце 20-х гг. ещё не исчерпало возможностей для развития. Один из крупнейших учёных-экономистов Н. Д. Кондратьев в записке «К вопросу об особенностях условий развития сельского хозяйства СССР и их значении» от 8 октября 1927 г., написанной по поручению правительства, отмечал: «На ближайшее обозримое время вопрос о развитии сельского хозяйства будет, как и раньше, (с точки зрения удельного веса) прежде всего вопросом развития индивидуальных крестьянских хозяйств, хотя бы и объединённых в кооперативы на основе сбыта и переработки продуктов сельского хозяйства, а также на почве снабжения его орудиями и средствами производства» [Кондратьев 1927: 210].

Однако уже в конце 1927 г. кризис хлебозаготовок в стране, возникший в результате рыночных колебаний, осложнил положение. В этих условиях сталинская группа, которая только что добилась большинства в политическом руководстве, пошла на слом НЭПа и приступила к системе хлебозаготовок «чрезвычайными», то есть насильственными, внеэкономическими методами.

В январе-феврале 1928 г. И. В. Сталин совершил инспекционную поездку в Сибирь. Он объехал основные хлебные районы края, принял участие в совещаниях окружных партийных активов барнаульской, бийской, рубцовской, омской организаций, в заседании бюро Сибкрайкома в Новосибирске. Сталин потребовал применения чрезвычайных мер: привлечения крестьян, отказывающихся продавать хлеб по государственным ценам, к судебной ответственности по 107 статье УК РСФСР [Гущин 1972: 173].

Были сняты с работы и подвергнуты наказаниям десятки местных советских и партийных работников за «мягкотелость» и «примиренчество». По статье 107 в Сибирском крае было осуждено свыше 1,5 тысяч человек. Произвол и насилие затронули и крестьянские хозяйства выходцев из Прибалтики, в том числе латгальцев.

Ноябрьский (1929 г.) Пленум ЦК партии провозгласил новую политику сплошной коллективизации. С этого момента ставка делалась уже не столько на самодеятельное творчество масс и генерируемое снизу осознание выгоды общественных форм хозяйства, сколько на командно-направляемую эволюцию с её нажимными методами.

Второго февраля 1930 г. Сибкрайком поставил перед партийными организациями задачу объединить в колхозы основные массы батрачества, бедноты и середняков «уже в течение весенней сельскохозяйственной кампании 1930 года». Секретарь Сибкрайкома Р. И. Эйхе подчёркивал в этой связи, выступая перед партийным активом Новосибирска: «Надо решительно нажать на наши аппараты, чтобы теперь, когда беднота и середняки массой пошли в колхозы, до минимума довести срок окончания сплошной коллективизации Сибири» [Эйхе 1930]. Выступая на краевом совещании западных национальностей, проходившем в Новосибирске 15 февраля 1930 г., редактор «Тайснейбы» А. Эйсуль, опираясь на частный факт, что латгальской коммуне «Гайсмас Старс» подано около 20 заявлений о вступлении, призвал к 100 % коллективизации. В принятом постановлении было записано: «добиться в текущем году сплошной коллективизации всех

латгальских деревень Сибири», для чего было решено послать на места специальные бригады. И хотя в это время коллективизация практически даже не начиналась в Томском и Минусинском округах, начинала только разворачиваться в Ачинском, на 50 % осуществлена в Барабинском округе, в качестве ориентира приводился пример Красноярского округа, где в кратчайший срок было коллективизировано 100 % деревень [*ГАНУ: 859_1_1_38].

Распространённой практикой в латгальских сёлах стали незаконные обыски, запреты на базарную торговлю, конфискации крупного рогатого скота. Чрезвычайные меры вызывали крайнее недовольство крестьянства. В ряде мест, как писала «Тайснейба», голодные люди были вынуждены красть из амбаров семенной картофель. Колхозники колхоза «Яуна Гайсма» Малиновского сельсовета Бирилюсского района прислали в газету жалобу, что руководство колхоза длительное время (почти полгода) не выплачивало им денег, положенных за хорошую работу во время весенней посевной кампании. У людей пропадало желание работать по-ударному во время уборочной [*ГАНУ: 859_1_249_18].

На места спускались нереальные, явно завышенные планы хлебазаготовок. Так, для колхоза «Атбалсс» Ачинского района Красноярского края райземотдел установил настолько высокие нормы, что это вызвало возмущение людей [*ГАНУ: 859_1_300_6].

Грубые извращения допускались при обобществлении средств производства. Командование и администрирование приводили к тому, что вместо учёта местных условий, возможности выбора форм объединений для латгальских крестьян, стали насаждаться колхозы и коммуны. Если в конце 1929 г. в Сибирском крае преобладающей формой объединения были ТОЗы, то весной 1930 г. ею стала сельхозартель. Теперь на артели приходилось 43,6 % всех колхозов, коммуны составляли 37,5 %, а ТОЗы лишь 18,9 % [Крестьянство Сибири 1983: 234]. При этом именно ТОЗы применительно к латгальскому крестьянству лучше бы подготавливали переход к социалистическим производственным отношениям за счёт более низкого уровня обобществления. В ТОЗах трудодни начислялись не только по количеству и качеству возложенного труда, но и с учётом тягловой силы и инвентаря. Однако на практике при поддержке средств массовой информации, настойчиво проводилась установка, что устав сельхозартели требует обязательного обобществления всех средств производства, а колхозы, в которых это не сделано, являются «не большевист-

скими колхозами, а кулацкими». В качестве такого в 1934 г. назывался колхоз съезда Советов Двинского сельсовета Боготольского района, где не была обобществлена часть сельскохозяйственного инвентаря. Райзо (районный земельный отдел) принял необходимые на его взгляд меры, заставив латгальских крестьян сдать в колхоз сбрую, телеги и сани [*ГАНО: 859_1_89_124].

Даже в тех сложнейших условиях люди самоотверженно работали. В качестве образцового неоднократно отмечался латгальский колхоз имени партизана Ярошенко Барабинского района, который по уборке зерновых и сена, а также выполнению плана хлебозаготовок занимал первое место в районе. Отмечалась продуктивная работа животноводов. Высокие удои коров способствовали тому, что план по сдаче молока выполнялся досрочно [*ГАНО: 859_1_36_33].

Применение передовых приёмов (там, где они применялись) приносило хорошие плоды. Селькор из колхоза «Первое мая» Малиновского сельсовета Кривошеинского района В. И. Сондор сообщал: «В колхоз, видя лучшую жизнь, влились ещё 12 единоличников, привели 12 рабочих лошадей и 2 жеребёнка. Устроили базу, засыпали семенной материал. Организовали бригаду. Для молодёжи устроили вечерние занятия по ликвидации неграмотности, и сейчас новая бригада стоит за полную жизнь сельскохозяйственной артели» [*ГАНО: 859_1_85_75–77].

Сельхозартель им. Кирова Венгеровского района осенью 1937 г. собрала обильный урожай. Люди работали очень хорошо и до 20 сентября завершили все осенние полевые работы. На трудодень колхозники получили по 10 кг зерновых культур. Однако им свыше предписали самообложение по 20 рублей на колхозника [*ГАНО: 859_1_223_14].

Конечно, не во всех хозяйствах дело обстояло так. В колхозе «Явно Гайсма» при распределении доходов урожая 1935 г. на трудодень колхозники получили хлеба 4,3 кг и 85 коп. деньгами [*ГАНО: 859_1_151_18].

Характерной чертой людей в то время был интернационализм. Колхозники колхоза «Доброволец», заслушав доклад о событиях в Испании, выразили свою солидарность и внесли в фонд помощи республиканцам 300 рублей на покупку продовольствия [*ГАНО: 859_1_165_79].

Наверх шли победные реляции. С опорой на них в резолюции 3-го Западно-Сибирского краевого совещания по работе среди на-

циональных меньшинств отмечалось: «На основе правильно и последовательно проводимой ленинской политики в национальном вопросе Западно-Сибирский край добился крупнейших успехов во всех областях строительства». Совещание определило дальнейшую цель — хозяйственное укрепление колхозов и на этой основе дальнейший рост коллективизации [^{*}ГАНО: П-3_5_433_6].

В течение 1931–1932 гг. все формы сельхозкооперации, кроме колхозных, прекратили существование и влились в колхозы. В сельском хозяйстве окончательно сложилась административно-командная система. Внимание к национальному населению было сведено до минимума.

Латгальскую деревню Сибири захлестнула волна административного произвола и насилия. Многие партийные и советские работники, руководители хозяйств, облечённые властью, вели себя по отношению к рядовым колхозникам как феодалы-князья. Крестьянин И. Ушаль из колхоза «Красный латгалец» Емельяновского района Красноярского края писал: «С самой весны работаю и не знаю, сколько я заработал трудодней. Если спросишь у председателя, он посылает к бригадирам, пойдёшь к бригадиру — он не хочет и разговаривать, иди, говорит, работай — какие тебе трудодни» [^{*}ГАНО: 859_1_246_78].

В заметке «Забывтое дело», опубликованной в «Тайснейбе», говорилось о том, что руководство Осиновского сельсовета совсем не заботится о семьях красноармейцев. Более того, семье красноармейца Буткова, не имеющей трудоспособных, определили 125 рублей единовременного налога. После того как семья уплатила сельхозналог, страховку, самообложение на сумму 120 рублей, сельсовет предложил уплатить ещё 184 руб. Мать красноармейца была вынуждена продать последнюю корову. Такие безобразия творились и в отношении семей других красноармейцев [[?]Taisneiba, 1935, 1 янв.].

С мест поступали и другие сообщения о зажиме критики, «унтер-пришибеевском» отношении к людям. В колхозе «Путь коммунара» Бороковского сельсовета во время хлебоуборки руководство совсем не заботилось о людях. Они были вынуждены бегать за несколько километров за водой [^{*}ГАНО: 859_1_196_22]. Компетентность многих руководителей хозяйств была крайне низкой. Председатель колхоза «Узвара» Тайгинского района Григорий Буциник весь семенной фонд сдал государству только потому, что не организовал обмолот. В итоге весной колхозу нечем было засеять поля [Kolektivists 1937].

Руководство Тимофеевского сельпо, получив мануфактуру и другие промышленные товары, которые предназначались для сдатчиков пушнины и шкур, самовольно распределило их между собой. Председатель сельсовета А. Юревич тоже способствовал тому, чтобы товары не дошли до сдатчиков. На жалобы людей был один ответ: «Если будете нас критиковать — не получите из кооперации ни одного метра мануфактуры» [N. 1937].

По сути, произошло отчуждение администрации от рядовых колхозников. Из латгальской деревни Попереченка Бороковского сельсовета сообщали, что у них «много колхозников, которые не имеют своего скота и едят один хлеб. А правление колхоза о них не заботится. Часть колхозников из-за неоплаты трудодней не хотят жить в колхозе» [*ГАНУ: 859_1_246_18].

Стремление к крайней централизации в ущерб демократизму, ставшее привычным пренебрежение к интересам колхозников, конечно, отразилось и на взаимоотношениях между городом и селом. Ещё в июне 1934 г. в газете «Тайснейба» было помещено открытое письмо латгальских рабочих ленинградского завода «Красный путиловец», в котором они призывали колхозников колхоза им. III Интернационала Венгеровского района заключить договор о шефских связях. Рабочие обязывались оказать техническую и культурную помощь колхозу [Vestule 1934]. Однако из-за головотяпства и нераспорядительности руководства колхоза договор не был подписан. Тогда в адрес колхозников посыпались обвинения в том, что они находятся в состоянии «возмутительной спячки» и других грехах [*ГАНУ: 859_1_89_118–120]. А ведь рядовые колхозники не были в этом виноваты.

Более того, люди самоотверженно работали на своих рабочих местах. В статье «Не отстанем от передовых колхозов», присланной из этого хозяйства, бригадир Ю. Краваль с односельчанами делились опытом подготовки к весеннему севу: «...Уже с осени стали готовиться к посевной кампании. Отсортировали и засыпали семена... Хомуты, плуги и бороны отремонтировали на 100 %. К весне бригада плотников сделает 45 новых телег. Купили одну двенадцатидисковую сеялку. (Одна такая машина у нас уже куплена раньше). Предполагаем купить ещё третью сеялку и второй трактор. Лошадей рабочих у нас 96, быков 24. Лошади средней упитанности, все они стоят во вновь построенных конюшнях. Кормов на время сева хватит ... В ближайшее время ожидаем свою автомашину (купленную за проданную государству пшеницу)... Организовали агротехнический кружок,

в котором обучается более 30 колхозников по три дня в неделю... Заметно выправила свою работу животноводческая бригада... Все колхозники работают как часы» [Kravals i c. 1937].

С поворотом к возрождению командно-приказных методов управления сторонники авторитарного режима окончательно похоронили идею создания социалистического правового государства. В этих условиях в стране проходило обсуждение Конституции СССР 1936 г. Проект Конституции был напечатан в № 56 и 57 «Тайснейбы» за 22 и 24 июня 1936 г. тиражом 1400 экземпляров и уже со 2 июля стали появляться первые отклики. Крестьянин колхоза «Новая жизнь» Кривошеинского района Андрей Зейле писал: «Каждый из пунктов новой советской Конституции хочется петь как песню о счастье советских народов». Учительница Михайловской школы Куйбышевского района Валентина Краваль заявила: «Из меня Советская власть сделала образованного человека». Земледелец колхоза им. партизана Дорошенко Антон Рудович так откликнулся на проект Конституции: «Земля прикреплена нам навечно. Это такое счастье, которое не выскажешь на словах. Об этом братья по классу в фашистской Латвии не могут даже и подумать» [*ГАНО: 859_1_194_10; ...143_3]. А Фёкла Дзалба из колхоза «Красный партизан» Тюхтетского района сказала прямо: «Спасибо товарищу Сталину за хорошую счастливую жизнь».

Только в первый месяц после опубликования проекта газета получила 38 трогательных, но большей частью инспирированных откликов по разным пунктам Конституции. Свои предложения прислали труженики колхоза «Варпа», «Латгалец», им. Эйхе, «Узвара» и др.

Среди них были и довольно любопытные, связанные с общей обстановкой в стране. Например, А. Ивуль из колхоза «Варпа» Юргинского района предлагал в качестве дополнений к пункту 12 «после слов „кто не работает, тот не ест“ добавить „тот враг народа“». И. Пуга из колхоза им. Эйхе к пункту 127 предлагал прибавить: «В исключительных случаях дать право ареста председателям сельских советов». Похожую формулировку к этому же пункту предложил Ф. Вацлав из колхоза им. III Интернационала: «В отдельных сельсоветах разрешить им задерживать сомнительные личности, а также воров для передачи их в судебные и административные органы района» [*ГАНО: 859_1_143_3–4].

В 1937–38 гг. латгальцев Сибири постигло тяжёлое испытание. Страшная сталинская мельница, под жернова которой сплошным по-

током сыпались осуждённые тройками и особыми совещаниями НКВД люди, обрушилась и на их. 24 ноября 1937 г. Новосибирское управление НКВД запросило у редакции «Тайснейбы» сведения о латгальском населении (в целом по области и по г. Новосибирску), данные о количестве колхозов, культурно-просветительных учреждений и т. д. В тот же день редактор Д. Грауба отправил сотруднику НКВД Эденбергу подробные сведения по Новосибирской и Омской областям и Красноярскому краю. Общая численность латгальцев составила около 25 тыс. человек, имелось 87 колхозов, 69 школ, 14 изб-читален, 24 клуба и т. д. Не были забыты и 150 учащихся латгальского отделения Ачинского педтехникума [*ГАНО: 859_1_215_21, 25]. Не трудно было догадаться, что готовятся репрессии против латгальцев.

Масштабы их пока не выяснены, однако отдельные эпизоды становятся известными. Так, в деревне Борисоглебка Убинского района Новосибирской области в 1937–38 гг. погибли 17 колхозников-латгальцев и поляков. Первая партия «врагов народа» была арестована летом 1937 г., вторая — в феврале 1938 г.

Людей брали по сфабрикованным обвинениям. В частности, одного из них, Казимира Пинюта, обвинили в поджоге колхозной мельницы, хотя в деревне её не было. Арестованных увозили в Каинскую (ныне г. Куйбышев Новосибирской области) тюрьму и там убивали. Днём копали могилы, а ночью расстреливали на Савкиной гриве.

В конце 50-х годов на эти захоронения случайно наткнулись при строительстве химкомбината. Место было оцеплено милицией. Содержимое могил вывезли и захоронили в районе д. Помельцево и Серганово. Собравшимся объявили, что это жертвы колчаковщины. Но в могилах находили личные вещи, где были знаки 1937–1938 гг., а также куски одежды, верёвки, которыми палачи скручивали руки своим жертвам. Попадалось много черепов, в которых были забиты железнодорожные костыли, болты, гвозди из одного уха в другое. Так погибли Александр Августович Бренч, Иосиф Донатович Массан, Иосиф Антонович Поплавский, Феликс Антонович Поплавский, Александр и Бронислав Болтусы, Казимир и Пётр Пинюта, Пётр Иосифович Сондор, Иван Пуйсан, Сергей Пуйсан, Станислав Иосифович Болтус, Иосиф Сухачёв, Иосиф Пудник, Анна Шалкевич и др. О звериной лютости палачей говорят такие факты, как убийство одинокой старушки Анны Шалкевич, которую подкармливала вся деревня, а также расстрел старика Пуйсана и больного Петра Сондора [Пуйсан].

Маховик мощной государственной машины, нацеленной на «большую чистку», набирал обороты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сфера межнациональных отношений, её внутренняя динамика и проблемы в многонациональном государстве являются (как и сфера экономических и социально-политических отношений) живой, постоянно меняющейся реальностью. Этнические и культурные общности, осознание ими своей самобытности есть не что-то изначально заданное, — они возникают в процессе исторических перемен. Отсюда вся важность анализа меняющейся ситуации, включая выявление факторов, которые вызывают «всплеск» этничности или, наоборот, «охлаждают» этнические чувства.

Необходимо, на наш взгляд, отказаться от унитарного мышления, от наивной веры, что возможна выработка какой-то единой концепции, которая проводилась бы через весь процесс принятия политических решений. Более правильным было бы признание возможности, и даже необходимости существования различных альтернативных позиций и вариантов.

Исторический опыт жизни латгальцев в Сибири в 20–30-е гг. показывает, что при учёте национального момента, вполне возможно достичь заинтересованного сотрудничества народов, их свободного и всестороннего развития. Для многонациональной Сибири выходцы из Латгалии, как видим, не были пасынками. А вот «великий земгалец» К. Ульманис, провозгласивший официальную идеологическую доктрину «Великой Латвии», запретил все издания на латгальском языке. Курс национальной политики, направленной на достижение фактического равенства различных народов, вполне можно считать оправданным, хотя с установлением административно-командной системы, господства сталинизма всё это оказалось деформированным и искажённым.

Долгие десятилетия латгальцы чувствовали себя людьми второго сорта в Латвии, Латгалия отставала от других районов в экономическом и культурном отношении. Не случайно в «Манифесте культуры Латвии», подписанном видными представителями латышской культуры в 1990 г., одним из главных пунктов стояло решение добиться прекращения дискриминации латгальской культуры в восточ-

ных районах Латвии, создать чрезвычайную правительственную комиссию по исследованию хозяйственной, демографической и культурной ситуации Латгалии, создать на востоке Латвии особую культурную зону, основать издательство в Даугавпилсе [Манифест культуры Латвии 1990: 4].

Опыт мирового развития однозначно свидетельствует, что принцип «Один народ — одно государство» является безнадёжной иллюзией. И типична такая картина: пока какой-либо этнос находится в неравноправном меньшинстве, он придерживается принципа равенства. Но как только добивается суверенитета, становится в своём национально-территориальном образовании большинством — то о принципе равенства забывает.

На наш взгляд, выход в осуществлении деэтноцизации (разгосударствления) сферы межнациональных отношений, включая снижение исключительного статуса национальной государственности и отказ от нереализуемых попыток создать каждой национальности «свою» государственность. Центр тяжести следует перенести с национально-территориального на национально-культурный принцип.

В этом случае любые национальные группы должны получить самые широкие возможности для разнообразных форм самоорганизации, в том числе и там, где они расселены дисперсно. Основные черты новой модели организации этнополитического пространства — экстерриториальность, персонализм и равный государственно-правовой режим для всех этносов, вне зависимости от численности, наличия или отсутствия компактной территории проживания.

В этом видится решение проблемы гармонизации межнациональных отношений, об этом свидетельствуют и лучшие страницы, накопленные в 20–70 гг. исторического опыта жизни многонациональной России и Сибири.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Латгальские населённые пункты в Сибири

с указанием количества хозяйств, колхозов и школ, а также контрольных цифр и фактического распространения газеты «Тайснейба» на 15 февраля 1935 г.¹

Наименование районов и населённых пунктов	Кол-во хоз-в	Название колхоза	Тип школы	Кол-во учащихся	«Тайснейба»	
					Контр. цифры	Факт. выписано
По Западно-Сибирскому краю:						
<u>Анжерский район</u>						
1. Анжерские копи	76	—	—	—	25	8
2. Ивановские хутора	35	—	—	—	—	—
<u>Асиновский район</u>						
3. Горская	22	Им. Горького	1 ступ.	26	—	—
4. Караколь	15	—	—	—	—	—
<u>Барабинский район</u>					100	32
5. Ст. Барабинск	10	—	—	—	—	—
6. Михайловка	47	Им. партизана Ярошенко	нач.	36	—	—
7. Карпушатский	20	Им. VII съезда Советов	—	—	—	—
8. Гяменский	40	—	нач.	—	—	—
<u>Болотинский район</u>					50	32
9. Ушатский	14	«Варпа»	—	—	—	—
10. Северный	40	«Латгалец»	нач.	—	—	—
11. Малая Лукино	16	Им. Эйхе	—	—	—	—
<u>Венгеровский район</u>					150	98
12. Тимофеевка	151	III Интернационал	нач., неп. сред.	160	—	—
13. Чаргары	53	«Доброволец»	нач.	40	—	—
14. Станислаевка	27	—	нач.	34	—	—
15. Инабинка	29	«Новый путь»	—	—	—	—
16. Любомировка	6	—	—	—	—	—
<u>Кемеровский район</u>					20	11
17. Латышевка	30	«Красный самолёт»	нач.	—	—	—

¹ По материалам [*ГАНО: 859_1_194_45–52; ...42_49].

<u>Кожевниковский район</u>					25	9
18. Борзуновка	20	—	—	—	—	—
19. Александровка	19	—	—	—	—	—
20. Топки	25	Им. Тельмана	нач.	—	—	—
21. Королёвка	6	—	—	—	—	—
<u>Колыванский район</u>						
22. Моховая	16	—	—	—	—	—
23. Берёзовка	18	—	—	—	—	—
24. Киндыс	14	—	—	—	—	—
25. Верх-Урматка	12	—	—	—	—	—
<u>Новосибирский район</u>						
26. г. Новосибирск	30	—	—	—	10	5
<u>Нарымский округ</u>					250	68
27. Маличевка	77	«Первое мая»	нач., семилет.	160	—	—
28. Крестовский	12	—	—	—	—	—
29. Малиновка	60	«Новая жизнь»	нач.	60	—	—
30. Ново-Малиновка	25	—	нач.	—	—	—
31. Анисимовка	19	—	нач.	—	—	—
32. Константиновка	20	—	нач.	—	—	—
33. Петропавловка	25	—	нач.	—	—	—
34. Мадога	15	—	нач.	—	—	—
35. Романовка	12	—	—	—	—	—
36. Спулевка	10	—	нач.	—	—	—
37. Чегеринский	6	—	—	—	—	—
38. Мало-Муромка	20	—	—	—	—	—
39. Родинские отрезки	15	—	—	—	—	—
40. Пивоваровка	12	—	—	—	—	—
41. Кортинские хутора	10	—	—	—	—	—
<u>Северный район</u>					50	102
42. Фёдоровка	15	—	—	—	—	—
43. Досино	35	—	нач.	—	—	—
44. Дупленка	16	—	—	—	—	—
45. Северный	5	—	—	—	—	—
<u>Тайгинский район</u>					85	98
46. г. Тайга	25	—	—	—	—	—
47. Дроздовка	48	«Узвара»	нач.	44	—	—
48. Горевский	17	«Латгалец»	—	—	—	—
49. Усть-Бородавка	17	«Правда»	—	—	—	—
50. Средняя Таловка	34	«Гайсма»	нач.	—	—	—
51. Кайлыкский	10	—	—	—	—	—
52. Яйские хутора	8	—	—	—	—	—
<u>Томский район</u>					75	42
53. г. Томск	25	—	—	—	—	—
54. Михайловка	48	«Латгалец»	нач.	24	—	—
55. Реженка	54	«Трактор»	нач.	25	—	—

<u>Тяжинский район</u>					250	234
56. Бороковка	20	«Путь коммунара» «Вторая пятилетка»	нач. (2) неп. ср. семи-летка	230	—	—
57. Букмуйжа	25	«Хлебороб»	нач.	74	—	—
58. Малиновка	20	—	нач.	36	—	—
59. Попереченский	50	—	нач.	60	—	—
60. Пивоваровка	20	—	—	—	—	—
61. Анненка	30	«Крестьянин»	нач.	36	—	—
62. Ново-Маринка	15	«Путь Ленина»	нач.	13	—	—
63. Черниговка	60	«Нацменлатгалец», «Латгальский куст»	нач.	80	—	—
64. Воскресенка	10	«Луч»	нач.	15	—	—
65. Ильинка	16	—	—	—	—	—
66. Верхняя Соболевка	15	—	—	—	—	—
67. Нижняя Соболевка	10	—	—	—	—	—
68. Богомоловка	15	—	—	—	—	—
69. Подгорный	10	—	—	—	—	—
70. Кузьминка	17	«Путь Ворошилова»	нач.	—	—	—
	18	им. Кирова	—	—	—	—
71. Толстовка	23	—	нач.	—	—	—
<u>Топкинский район</u>					10	4
72. Портнягино	16	«Луч»	нач.	—	—	—
<u>Чановский район</u>						
73. Добринка	25	—	—	—	—	—
<u>Яшкинский район</u>						
74. Власово	15	—	—	—	—	—
Всего по Западно-Сибирскому краю	2090 хоз-в 10400 чел.	30 колхозов	37 школ	1173 учащих-ся	1200	779
Красноярский край						
<u>Ачинский район</u>					250	187
1. г. Ачинск	50	—	педтех.	90	—	—
2. Окунево	125	им. 17 партсъезда	нач., неп. средн. семилет.	199	—	—
3. Никитино	110	«Красный латгалец»	нач.	48	—	—
4. Каралисово	12	им. Крупской	—	—	—	—
5. Вилово	36	«Искра»	нач.	34	—	—
6. Вилово-Выселки	12	«Апшу-Колнс»	—	—	—	—
7. Нагорновский	48	«Гайсмас Старс»	нач.	32	—	—
8. Троицкий	30	«Труд бедняка»	—	—	—	—
9. Краевой	16	«Краевой»	нач.	30	—	—

<u>Бирилюсский район</u>					100	22
10. Малиновка	40	«Гайсма»	нач.	38	—	—
11. Сахарный	33	«Красный латгалец»	нач.	34	—	—
12. Берёзовка	10	«Большевик»	—	—	—	—
13. Чемурда	40	—	—	—	—	—
<u>Боготольский район</u>					100	60
14. г. Боготол	40	—	—	—	—	—
15. Двинский	89	«Бодрый партизан»	нач.	70	—	—
	40	«Красный партизан тайги»	—	—	—	—
16. Варшавский	5	—	нач.	—	—	—
17. Листвянский	16	—	—	—	—	—
18. Пряничный	30	—	нач.	—	—	—
19. Львовский	9	—	—	—	—	—
20. Кудринка	13	«Красный нацмен»	нач.	20	—	—
21. Ченстоховка	30	«Латгалец»	нач.	40	—	—
	34	им. VII съезда Советов	—	—	—	—
22. Ордынский	5	—	—	—	—	—
<u>Краснотуранский район</u>						
23. Креславка	68	«Красный латгалец»	нач., неп. ср. семилет.	130	—	—
	60	им. Тельмана				
24. Малиновка	51	«Труженик тайги»	нач.	16	—	—
25. Алгаштык	70	им. 17 партсъезда	нач.	78	—	—
		им. Молотова	—	—	—	—
<u>Минусинский район</u>					20	10
26. Строганово	20	«За вторую пятилетку»	нач.	18	—	—
<u>Манский район</u>					15	2
27. Первое мая	35	«Первое мая»	нач.	—	—	—
<u>Новосёловский район</u>					50	23
28. Витебка	50	им. партизана Кравченко	нач.	50	—	—
29. Александровка	30	«Вторая пятилетка»	нач.	19	—	—
30. Нижняя Кома	14	—	—	—	—	—
<u>Уярский район</u>					40	3
31. Борисово	70	«Целтне»	нач.	—	—	—
<u>Красноярский район</u>						
г. Красноярск	55	—	нач.	—	26	6
Всего по Красноярскому краю	1348 хоз-в 6576 чел.	26 колхозов	26 школ		962	781

Приложение 2

Список

лиц, привлечённых НКВД СССР (УНКВД по Новосибирской области) по делу А. Д. Эйсуля — гл. редактора латгальской краевой газеты «Тайснейба», арестованных в августе — октябре 1937 г., постановлением НКВД и прокурора СССР от 04.01.38, осуждённых по ст. 58-2-10-11 УК РСФСР к высшей мере наказания — расстрелу (приговор в отношении А. Д. Эйсуля приведён в исполнение 11.07.38) и реабилитированных Военной Коллегией Верховного Суда СССР 13.10.56.

1. Эйсуль Александр Донатович, рожд. 29.07.1899 г., урож. усадьбы Ниперово, Режицкого уезда, Витебской губ. — гл. редактор.
2. Логин Доминик Алексеевич, рожд. 19.02.1890 г., урож. дер. Дагуново, Мариенгаузенской волости, Люцинского уезда, Витебской губ. — зам. гл. редактора.
3. Акмен Пётр Микелевич, рожд. 04.03.1901 г., урож. усадьбы Кевек, Вольмарского уезда, Лифляндской губ.
4. Ивуль Иван Андреевич, рожд. 23.02.1905 г., урож. ст. Тайга, бывш. Томский округ, лит. сотрудник.
5. Цируль Донат Альбинович, рожд. 31.03.1901 г., урож. дер. Чаргары, Венгеровского района, Новосибирской обл. — директор краевого передвижного колхозного латгальского театра.
6. Юревич Антон Казимирович, рожд. 13.10.1907 г., урож. дер. Чаргары, Венгеровского района, Новосибирской обл.
7. Давыдов Владимир Анатольевич, рожд. 18.06.1912 г., урож. г. Ленинграда, артист театра.
8. Моисеев Пётр Антонович, рожд. 17.11.1905 г., урож. г. Томска.
9. Быцан Станислав Антонович, рожд. 12.11.1902 г., урож. имения Каменец, Витебской губ.
10. Батня Иван Осипович, рожд. 1886 г., урож. с. Мураны, Дагденской волости, Витебской губ.
11. Ворслав Даниил Андреевич, рожд. 1896 г., урож. Витебской губ.
12. Шурина Мария Ивановна, рожд. 25.12.1892 г., урож. усадьбы Дындас, Латвия.
13. Степанов Иван Кириллович, рожд. 02.09.1895 г., урож. г. Рига.
14. Мегре Александр Янович, рожд. 1912 г., урож. с. Кривая Лука, Киренского района, Восточно-Сибирского края.

15. Смышляев Иван Васильевич, рожд. 01.01.1895 г. урож. дер. Олюшино, Уржумского уезда, Вятской губ.
16. Крылов Яков Николаевич, рожд. 19.02.1887 г., урож. с. Черняново, Тамбовской губ.
17. Полянская Зинаида Петровна, рожд. 22.06.1912 г., урож. ст. Каргат, Томской ж. д.
18. Абель Иван Висенович, рожд. 1897 г., урож. усадьбы Мурман, Латвия.
19. Бумбур Адольф Алексеевич, рожд. 06.09.1902 г., урож. хутора Грибаш, Валкского уезда, Лифляндской губ., Латвия.
20. Вейти Эско Илмари Калеевич, рожд. 02.05.1912 г., урож. д. Кюльмакуски, Финляндия.
21. Варт Михаил Георгиевич, 19.02.1894 г., урож. Австро-Венгрии.
22. Брузгуль Антон Михайлович, рожд. 18.10.1873 г., урож. д. Пунчили, Режицкого уезда, Витебской губ.

Приложение 3

Копия

Исп. вх № 7416 ж
Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза СССР
«01» августа 1989 г.
№ 4Н-17922/56
121260, Москва, ул. Воровского, д. 15

Логину А. Д.
630017, гор. Новосибирск,
ул. Богаткова, дом 204, кв. 88

Альберт Доминикович!

Сообщаю, что Логин Доминик Алексеевич 4 января 1938 года по Постановлению НКВД и Прокурора Союза ССР осуждён к высшей мере наказания — расстрелу.

Логин Д. А. признан виновным в том, что он якобы являлся участником латышско-латгальской фашистско-националистической диверсионно-повстанческой террористической организации, в составе этой организации вёл подготовку к вооружённому восстанию и совершению диверсии, проводил антисоветскую агитацию.

В ходе дополнительной проверки было установлено, что Логин Д.А. был привлечён к уголовной ответственности необосновано, а его показания, на основании которых он был признан виновным, были сфальсифицированы бывшими работниками УНКВД по Новосибирской области. По вопросу привлечения их к ответственности Вам следует обратиться в военную прокуратуру Сибирского военного округа или Главную военную прокуратуру.

Сведений о месте захоронения Логина Д. А, и времени приведения приговора в исполнение Военная коллегия не имеет. Возможно, они есть в материалах дела, которое было направлено в 1956 г. в УКГБ СССР по Новосибирской области.

Понимая глубину трагедии, постигшей Вас и Ваших близких в связи с необоснованным осуждением Логина Доминика Алексеевича, прошу принять искренние соболезнования.

НАЧАЛЬНИК СЕКРЕТАРИАТА ВОЕННОЙ
КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

Подпись

А. Никонов

ЛИТЕРАТУРА

Печатные источники¹

- Борьба за культуру 1931 — Борьба за культуру — борьба за социализм. Материалы Крайсовнарпроса к I (VI) съезду Советов Западно-Сибирского края. Цифры и факты. Новосибирск, 1931.
- В. 1931 — В. Как борются «Сибиряк Циня» и «Тайснейба» за линию партии в национальном вопросе // Советская Сибирь, 1931, № 28 (3374) (29 янв.). — С. 2.
- Горюшкин 1976 — Л. М. Горюшкин. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976.
- Горюшкин 1978 — Л. М. Горюшкин. Переселенческое движение в Сибирь в годы первой мировой войны // Бахрушинские чтения 1978 г. Сб. научных трудов / Отв. ред. А. П. Окладников. Новосибирск, 1978. — С. 93–103.
- Григорьева, Соскина, Хорошев 1980 — Э. Г. Григорьева, А. Н. Соскина, А. Н. Хорошев. Осуществление всеобщего начального и семилетнего обучения в сибирской деревне (1927–1937 гг.) // Культурное развитие советской сибирской деревни. Новосибирск, 1980. — С. 115–150.
- Гущин 1972 — Н. Я. Гущин. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне (1926–1933 гг.). Новосибирск, 1972.
- Ефремова 1982 — Л. С. Ефремова. Латышская крестьянская семья в Латгале. 1860–1939. Рига, 1982.
- Заварина 1986 — А. А. Заварина. Русское население восточной Латвии во второй половине XIX — начале XX века: Историко-этнографический очерк. Рига, 1986.
- История 1954 — История Латвийской ССР. Т. II: С 1861 г. по март 1917 г. / Отв. ред. Я. П. Крастынь. Рига, 1954.
- История 1971 — История Латвийской ССР. Сокращённый курс / Под ред. А. А. Дризула. 2-е, перераб. и доп. изд. Рига, 1971.
- Кауфман 1897 — А. А. Кауфман. Томские переселенцы по подворному исследованию 1894 г. // А. А. Кауфман. Сборник статей. Община. Переселение. Статистика. М., 1915. — С. 265–298.
- Кауфман 1905 — А. А. Кауфман. Переселение и колонизация. СПб., 1905.
- Киржниц 1929 — А. Киржниц. Беженцы и выселенцы // Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. Новосибирск, 1929. — Стб. 262–263.

---

¹ При сокращённом обозначении источника указывается год первой публикации, в библиографическом описании — год издания, по которому цитируется материал (прим. ред.).

- Кондратьев 1927 — Н. Д. Кондратьев. К вопросу об особенностях развития сельского хозяйства СССР и их значении (8 октября 1927 г.) // Известия ЦК КПСС. 1989. № 7 (294), июль. — С. 187–210.
- Краткий обзор 1916 — Краткий обзор деятельности Прибалтийского латышского комитета по оказанию помощи беженцам. С 8 июля 1915 г. по 8 января 1916 г. Рига, 1916.
- Крестьянство Сибири 1983 — Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917–1937 гг. Новосибирск, 1983.
- Культурная жизнь 1975 — Культурная жизнь в СССР. 1917–1927. Хроника. М., 1975.
- Латгалец 1937 — Латгалец. Оздоровить латгальский театр // Советская Сибирь, 1937, № 228 (5392) (3 окт.). — С. 4.
- Ленин 1923 — В. И. Ленин. О кооперации // В. И. Ленин. Собрание сочинений. Т. 45. Москва, 1970 — С. 369–377.
- Манифест культуры Латвии 1990 — Манифест культуры Латвии // Советская молодёжь (Рига), 1990, № 52 (11460) (20 марта). — С. 1, 4.
- Народное просвещение 1932 — Народное просвещение в РСФСР в основных показателях. М.–Л., 1932.
- О введении всеобщего начального обучения 1925 — Постановление СНК РСФСР о введении в РСФСР всеобщего начального обучения и построении школьной сети (31 августа 1925 г.) // Собрание узаконений РСФСР, 1925, № 69, ст. 543.
- О всеобщем обязательном начальном обучении 1930 — Постановление ЦК ВКП(б) о всеобщем обязательном начальном обучении (25 июля 1930 г.) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 5. 1929–1932. М., 1984. — С. 184–187.
- О перестройке рабселькоровского движения 1931 — Постановление ЦК ВКП(б) о перестройке рабселькоровского движения (16 апреля 1931 г.) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 5. 1929–1932. М., 1984. — С. 285–288.
- О просветительной работе 1926 — Декрет Совета народных комиссаров РСФСР «По докладу Народного комиссариата просвещения о просветительной работе среди национальных меньшинств РСФСР» (18 июня 1926 г.) // Культурное строительство в РСФСР. 1917–1927 гг. Т. 1, ч. 2. Документы и материалы. 1921–1927. М., 1984. — С. 23–25.
- О работе среди нацменьшинств 1927 — О работе среди нацменьшинств ([Постановление Сибкрайкома ВКП(б)] Принято 25 июля 1927 г.) // Известия Сибкрайкома ВКП(б). Новосибирск, 1927, № 8–9. — С. 6–8.
- О резолюциях 1927 — Постановление Президиума коллегии Наркомпроса от 6/IX 1927 г. о резолюциях Всероссийского совещания по всеобщему обучению среди нацмен (17–22 мая 1927 г.) // Просвещение национальных меньшинств в РСФСР. М., 1928. — С. 221–223.

- О состоянии 1931 — Постановление Крайкома ВКП(б) и Крайисполкома о состоянии и очередных задачах работы по ликбезу (7 октября 1931 года) // Важнейшие постановления Крайкома ВКП(б) по вопросам культстроительства в крае. (С 6 мая по 18 октября 1931 г.) / Отдел культуры и пропаганды Востсибкрайкома ВКП(б). Иркутск, 1931. — С. 12–15.
- Об избах-читальнях 1929 — Об избах-читальнях (Постановление ЦК от 11/XI 1929 г.) // Справочник партийного работника. Вып. 7, ч. 2. М., 1930. — С. 270–271.
- Резолюции 1927 — Резолюции Всероссийского совещания по всеобщему обучению среди нацмен (май 1927 г.) // Просвещение национальных меньшинств в РСФСР. М., 1928. — С. 223–245.
- Розин 1928 — А. С. Розин. Руководство просвещением национальных меньшинств // Просвещение национальных меньшинств в РСФСР. М., 1928. — С. 63–86.
- Скачков 1932 — А. Х. Скачков. Заботу о национальной школе — во все звенья работы союза рабпрос // Просвещение национальностей. К VIII съезду союза работников просвещения СССР. Экстренный выпуск 2 апреля. М., 1932. — С. 26–32.
- Турчанинов 1910 — Н. Турчанинов. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 гг. (включительно). СПб., 1910.
- Турчанинов, Домрачёв 1916 — Н. Турчанинов, А. Домрачёв. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. Пг., 1916.
- Эйсуль 1931 — А. Эйсуль. Латгальцы // Сибирская советская энциклопедия. Т. 3. Новосибирск, 1932. — Стб. 25–26.
- Эйхе 1930 — Р. И. Эйхе. Только отобрав у кулаков средства производства, можно всерьёз говорить о ликвидации кулачества (Доклад тов. Р. И. Эйхе на собрании новосибирского городского партактива 27 января 1930 г.) // Советская Сибирь, 1930, № 24 (3068) (30 янв.). — С. 3.
- Kolektivists 1937 — Kolektivists. Tautas īnaidnīki nūraun labeibas nūjemšonu (Taigas rajons) // Taisneiba, 1937, № 77 (1062) (20 сент.). — 3. pl.
- Kravaļs i c. 1937 — J. Kravaļs i c. Naatpaliksim nu priškdejim kolektivim // Taisneiba, 1937, № 24 (1009) (10 марта). — 3. pl.
- N. 1937 — N. Birokrats Jurevičs apspīž demokratiju (Vengerova raj., Timofejevkas cīms.) // Taisneiba, 1937, № 21 (1006) (3 марта). — 4. pl.
- Styuraiņš 1937 — Styuraiņš. Kriņu volūda latgališu školos // Taisneiba, 1937, № 12 (997) (7 февр.). — 3. pl.
- Vestule 1934 — Leningrada zavoda „Krasnyj Putilovec“ latgališu strodniku vestule Timofejevkas kolektiva „III Internacionale“ kolektivistim // Taisneiba, 1934, № 50 (676) (31 мая). — 3. pl.
- Vucans 1934 — J. Vucans. Nadavērtēj nacionalo dorba // Taisneiba. 1934, № 107 (733) (22 нояб.). — 3. pl.

Архивные материалы²

ГАНО — Государственный архив новосибирской области

Фонд 47 — Исполнительный комитет Западно-сибирского краевого совета депутатов трудящихся (Запсибкрайисполком) (1925–1937)

Фонд 61 — Отдел народного образования Запсибкрайисполкома (Запсибкрай-оно) (1925–1937)

Фонд 859 — Редакция латгальской газеты «Тайснейба» («Правда») (1926–[1937])

Фонд П-2 — Сибирский краевой комитет ВКП(б) (Сибкрайком ВКП(б)) (1924–1930)

Фонд П-3 — Западно-сибирский краевой комитет ВКП(б) (Запсибкрайком ВКП(б)) (1930–1937)

ЦДНИТО — Центр документации новейшей истории Томской области

Фонд 1 — Томский губернский комитет РКП(б) (1920–1925)

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

Фонд 1318 — Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (Наркомнац РСФСР) (1917–1924)

Пуйсан — Воспоминания В. П. Пуйсана, записанные ответственным секретарём Новосибирского общества «Мемориал» А. С. Жолобовым.

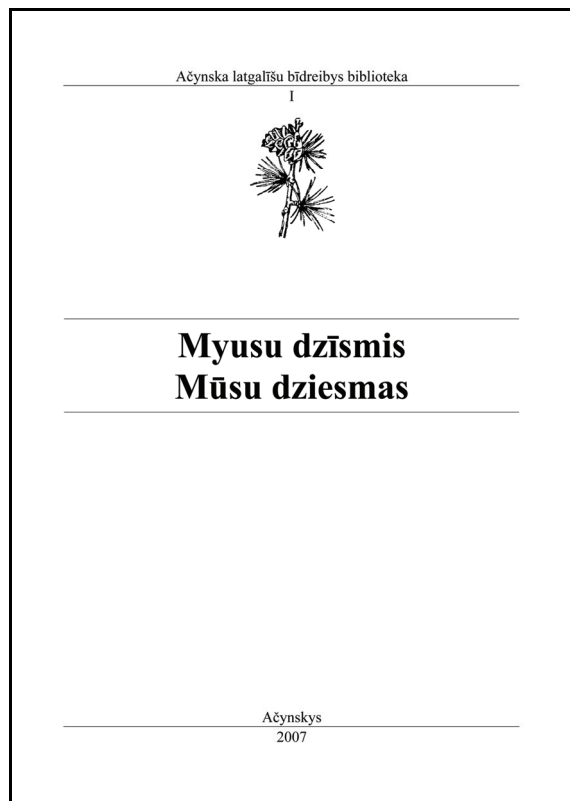
² Ссылка на архивные материалы даётся в сокращённом формате: 859_1_10_51 = фонд 859, опись 1, дело 10, лист 51.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Nu redaktoru	3
От редакторов	4
Введение	5
Глава 1. Латгальцы: переселение в Сибирь	7
Глава 2. Культурное строительство и народное образование среди латгальского населения Сибири	12
Глава 3. Латгальский межколхозный театр	28
Глава 4. Латгальская газета в Сибири	33
Глава 5. Советское и хозяйственное строительство у латгальцев. Кооперирование и коллективизация	46
Заключение	56
Приложения	58
Литература	65

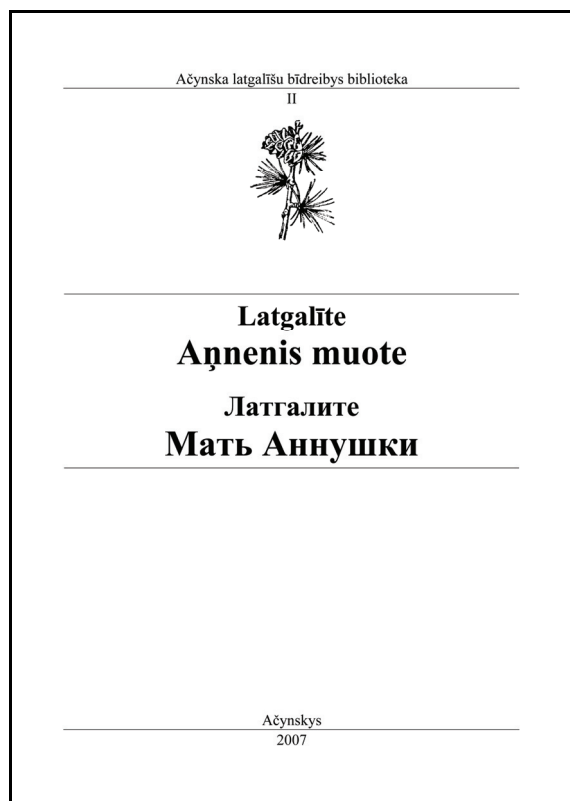
Serejis
«Ačynska latgalīšu bīdreibys biblioteka»
izdavumi

(<http://www.latgalec-ru.narod.ru/publikacii.htm>)

Myusu dzīsmis. Mūsu dziesmas / Отв. ред. Л. Лейкума. — Ачинск: Региональная общественная организация «Центр латгальской культуры» Красноярского края, 2007. — 76 с. — [Библиотека Ачинского латгальского общества, I.]

Dzīšmu vuocelēite ir pyrmais izdavums Ačynska latgalīšu bīdreibys bibliotekys serejā. Jei rodusēs Latvejis i Sanktpīterburgys universitašu Sibira ekspedicejuos. Suokumā — kaviekļam garajā ceļā da Ačynska. Vuordim kluot dagoja melodeja, gatavejūtīs pyrmaļai Latgalīšu volūdys i kulturys zīmys školai 2006. goda suokumā i dūmojūt par ļaudīm, kurī gribēs dzīduot piec myusu. Vuocelēitē īlaseitys 70 vairuok pazeistamuos latvīšu tautys dzīsmis i nazcik cytu tautā īmīļuoitu tekstu (latgaliski i latviski). Vuordi (i melodejis) izalaseiti nu vysaidu kruojumu i dialektologejis ekspediceju īrokstu, īskaitūt Sibiri.

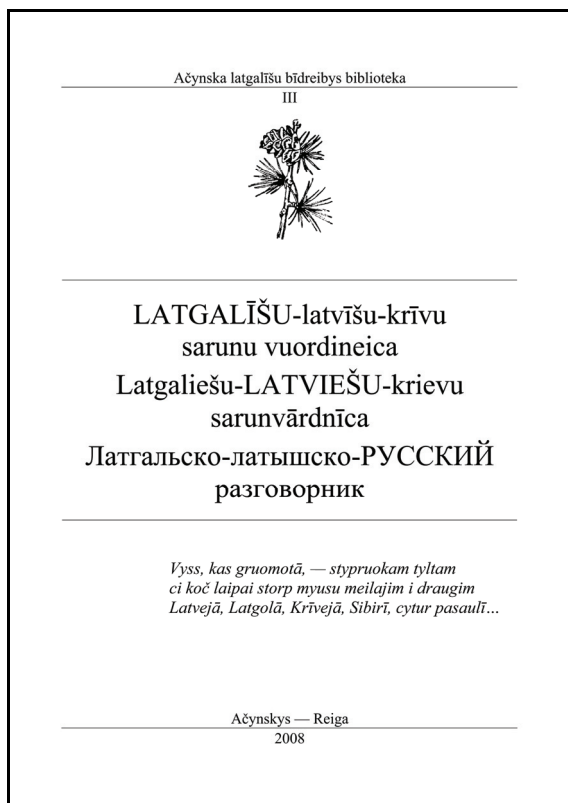

Latgalīte. Aņnenis muote. — Латгалите. **Мать Аннушки** / Перевод О. К. Баяндиной; отв. ред. А. В. Андронов, Л. Лейкума. — Ачинск: Региональная общественная организация «Центр латгальской культуры» Красноярского края, 2007. — 47 с. — [Библиотека Ачинского латгальского общества, II.]

Itamā gruomotā — stuosts «Aņnenis muote» divejuos volūduos: latgaliski i krīviski. Juo autore — Latgalīte, eistā vuordā Antonina Čivle (1905–1994), dzili ticeigs cylvāks, kuo dorbūs dominej ļaužu atteiceibu tykumiskī vaicuojumi. Pagarais stuosts, saraksteits paguojušuo godu symta 40. godūs, viesteļ par breineiļu jaunys sīvītis izaveseleišonu, kam paleidz Aglyunys Dīva muote. Nu latgalīšu volūdys krīviski stuostu tulkuojuse Krasnojarskys nūvoda Ačynskā dzeivojūšuo latgalīte Oļga Bajandina, nazkodejuo latgalīšu školuojuo Kazimera Styuraiņa (Styuranu Kazmera) meita.

Издания серии
«Библиотека Ачинского латгальского общества»

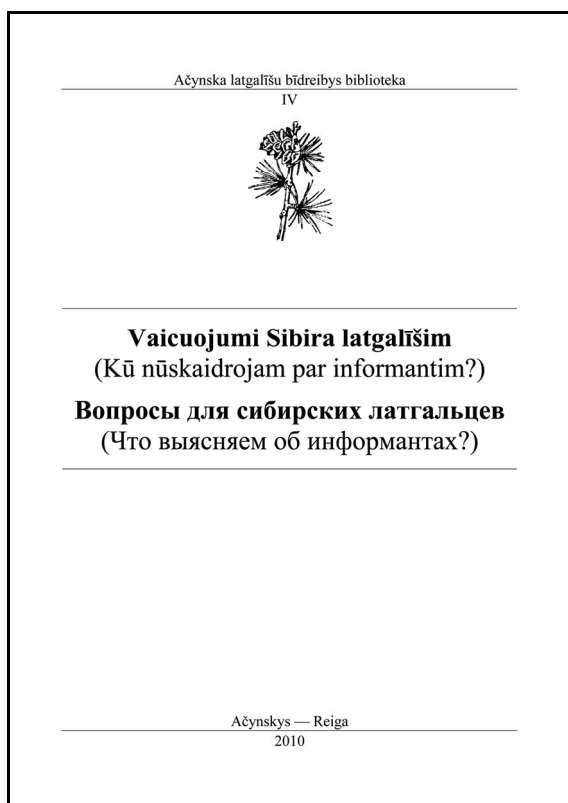
(<http://www.latgalec-ru.narod.ru/publikacii.htm>)

Andronovs A., Leikuma L. **Latgališu-latvīšu-krīvu sarunu vuordineica — Latgaliešu-latviešu-krievu sarunvārdnīca — Латгальско-латышско-русский разговорник** / Krasnojarskys nūvoda regionaluo sabīdriskuo organizaceja «Latgališu kulturyšs centrs» (ОО «ЦЛК» КК); Latvīšu volūdys apgivis vaļsts agentura (LVAVA), Ačynskys; Reiga, 2008. — 176 pl. — [Ačynska latgališu bīdreibys biblioteka, III.] — Teksts latgališu, latvīšu, krīvu vol.

ISBN 978-9984-815-22-0

Izdavums ir kasdīnys saziņā vairuok izplateitūs temu, sarunu fragmentu, leksikys, atsevišku izasacejumu kruojums latgališu, latvīšu i krīvu volūdā. Dialogu i situaceju modeliejumi pamatā baļsteiti Latgolys i Sibira latgališu runys atveiduojumūs. Latgališu tekstim dūta pylna transkripcēja, latvīšu pīmārūs — puorprūtāmūs burtu (*e, ē, o*) izruna, krīvu volūdys vuordūs paruodeiti uzsvori. Vuordineicys golvonais adresats ir Sibira latgališi, koč gruomotu var lītuot kotrys, kam iņteresej ituos volūdys.

Vaicuojumi Sibira latgalīšim (Kū nūskaidrojām par informantim?). — **Вопросы для сибирских латгальцев** (Что выясняем об информантах) / Сост. Л. Лейкума. — Ачинск: Региональная общественная организация «Центр латгальской культуры» Красноярского края, 2007. — 11 с. — [Библиотека Ачинского латгальского общества, IV.]

Vaicuojumu kūpums veiduots kai pamats sarinom ar Sibira latgalīšim (latgališu i krīvu volūdā), koč jū var lītuot i plotuok. Svareigi ir dabuot ziņu na tik viņ par izceļuotuojim i jūs atlasem — nu kurīnis kod kurs cieliš, kas kuram rodūs i kaimiņūs (Latvejā i vāluok Sibīrī), a i salaseit atmiņu druponys par seņču kulturu, kas padora lūdzeņu iz vaira kai 100 godu vacys panoramys. Tys sovukuort dūd drūsuoķu pamatu tuoluokim pietejumim, vyspuorynuojumim, sliedzīnim: vierteigs var izaruodeit sevkurs mozaikys gabaleņš. Piec anketys tautīšus var izvaicuot i poši sibirīši — vaicuojumūs tījimtys svareiguokuos izlūkšņu pazeimis i leksikys sovpatēibys, kas pamaneitys atrostūs tautīšu runā.

